

84 (3)
Д. 45

Кейт
ДиКамилло

СПАСИБО УИНН-ДИКСИ

Кейт ДиКамилло

СПАСИБО
УИНН-ДИКСИ

Перевод с английского

Ольги Варшавер

Рисунки

Владимира Буркина

Москва
«Махаон»
2009

УДК 821.111(73)-3-93
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Published by arrangement with Walker Books Limited, London SE11 5HJ

Художественное оформление Антона Ходаковского

ДиКамилло К.

Д45 Спасибо Уинн-Дикси: Повесть / Пер. с англ. О. Варшавер; Рис. В. Буркина. – М.: Махаон, 2009. –176 с., ил.

ISBN 978-5-18-001192-3

Американка Кейт ДиКамилло всю жизнь пишет книги для детей, пользующиеся огромным успехом по обе стороны Атлантики. Ее книга о забавной и совершенно необыкновенной дворняге по кличке Уинн-Дикси получила в 2000 году золотую медаль всеамериканского общества «Выбор родителей», а потом еще и «Медаль Ньюбери» – приз, присуждаемый за особый вклад в американскую детскую литературу. Несколькими годами позже по «Уинн-Дикси» был снят фильм, сделавший имя писательницы еще более популярным.

Десятилетняя Индия Опал Булони переезжает вместе с отцом в крохотный южный городок Наоми и чувствует себя ужасно одинокой – до тех пор, пока в один прекрасный день не встречает в супермаркете под названием «Уинн-Дикси» нелепого бездомного пса, который умеет улыбаться совершенно по-человечески. Девочке ничего не остается, как взять его с собой, так и назвав – Уинн-Дикси. Смешная собака учит свою маленькую хозяйку смотреть на мир другими глазами: благодаря ей Опал знакомится с удивительными людьми и наконец находит друзей там, где меньше всего ожидала.

УДК 821.111(73)-3-93
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-18-001192-3

© 2000 Kate DiCamillo
© О.Варшавер, перевод на русский язык, 2008
© В.Буркин, иллюстрации, 2008
© ООО «Издательская Группа Атиккус», 2008
Machaon®

И

*Посвящается Трейси и Бек,
потому что они слушали первыми*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня зовут Индия Опал Булони, и прошлым летом мой папа, пастор, послал меня в магазин за пачкой макарон с тертым сыром, за белым рисом и двумя помидорами, а я вернулась домой с собакой. Случилось это так: не успела я войти в овощной отдел продуктового магазина «Уинн-Дикси» — помните, за помидорами? — как появился управляющий с багровым от гнева лицом. Он размахивал руками и вопил:

— Кто впустил собаку? Кто посмел привести сюда эту грязную псину?

Поначалу я никакой собаки не увидела. Увидела только раскатившиеся по полу овощи: помидоры, лук, зеленые перцы. Вокруг бегали полчища продавцов и тоже размахивали руками — точь-в-точь как управляющий.

А потом из-за угла выбежал пес. Большой такой, облезлый. Совсем некрасивый. Ему, судя по всему, было очень весело. Он свесил набок длинный язык и помахивал хвостом. Потом встал как вкопанный и улыбнулся. Именно мне. Я раньше никогда не видела, чтобы собаки улыбались, но сейчас не сомневалась — этот пес улыбался по-настоящему. Растянув пасть, он показал мне все свои зубы, до единого. А потом завилял хвостом, да так отчаянно, что смахнул с витрины горку апельсинов, и они, раскатившись по полу, смешались с помидорами, луком и зелеными перцами.

— Хватайте его! — верещал управляющий.

По-прежнему виляя хвостом и улыбаясь, пес радостно бросился к управляющему и встал на задние лапы. Он всего лишь хотел посмотреть человеку в глаза и от всей души поблагодарить за веселые минуты, проведенные во вверенном ему овощном отделе. Но вышло так, что управляющего он все-таки повалил.

Оказавшись на полу, управляющий взглянул вверх, на столпившихся вокруг подчиненных, и... расплакался. Наверно, у него выдался неудачный день. Псу стало очень жаль человека, и он принялся участливо слизывать с его щек слезы.

— Пожалуйста, кто-нибудь... — взмолился управляющий, — позвоните в службу отлова собак.

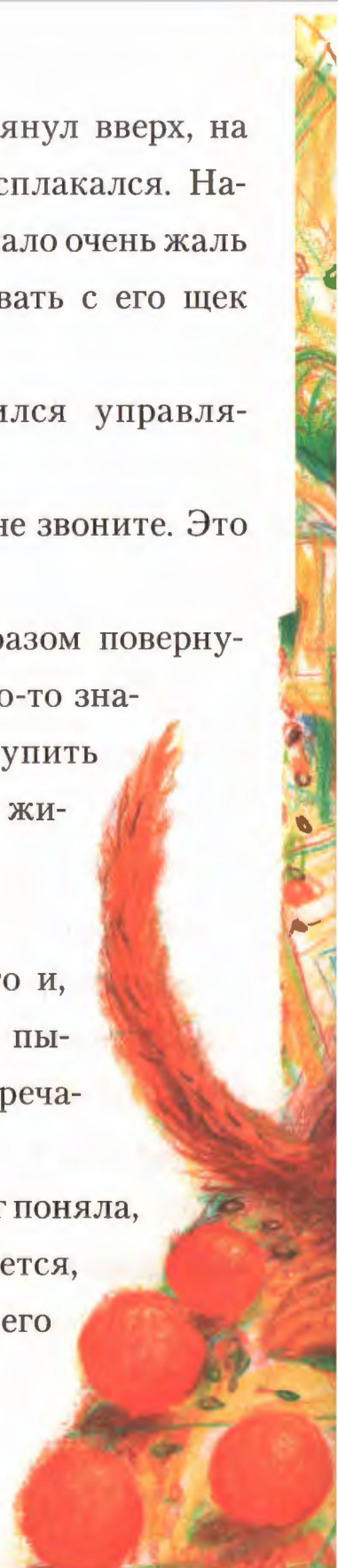
— Подождите! — закричала я. — Никуда не звоните. Это моя собака.

Все продавцы магазина «Уинн-Дикси» разом повернулись ко мне. Должно быть, я произнесла что-то значительное. И, наверно, глупое. Но иначе поступить я не могла. Не отправлять же такого пса на жи-
водерню.

— Эй, мальчик, иди сюда, — сказала я.

Пес оставил в покое щеки управляющего и, подняв уши торчком, посмотрел на меня, пытаясь припомнить, где мы, собственно, встречались.

— Мальчик, ко мне, — повторила я. И вдруг поняла, что ему, как каждому существу на свете, хочется, чтобы к нему обратились по имени. Но я-то его

имени не знала. Поэтому я сказала первое, что пришло в голову.

Я сказала:

— Ко мне, Уинн-Дикси. К ноге.

И пес послушно потрусил ко мне, точно слушался моих команд всю сознательную жизнь.

Управляющий сел и смерил меня тяжелым взглядом. Похоже, решил, что я вздумала над ним посмеяться.

— Его правда так зовут, — поспешно сказала я. — Как ваш магазин. Честное слово.

— Ты что же, не знаешь, что с собаками в продуктовые магазины не ходят?

— Извините, пожалуйста. Это случайно вышло. Такого больше не будет. Простите... Пойдем, Уинн-Дикси.

Я двинулась вдоль витрин, и пес пошел следом: из овощного отдела в бакалейный, а потом через кассу — на улицу.

Оказавшись на воле, то есть в безопасности, я придирчиво осмотрела животное. Н-да... Большой и костлявый, все ребра наружу. А еще плешивый — там и сям шерсти нету вовсе. Короче, больше всего этот пес напоминал старый потертый ковер, который к тому же успел помокнуть под дождем.

— Ну и видок, — вздохнула я. — Могу поспорить, что ты ничейный. Нет у тебя хозяина.

Тут он опять мне улыбнулся. Опять растянул пасть и показал оба ряда зубов. Улыбка оказалась такой широкой, что пес не выдержал и чихнул. Словно подтверждал: «Сам знаю, видок у меня неказистый. Зато смешной, правда?»

Ну как не влюбиться в собаку с таким чувством юмора?

— Ладно, пошли, — сказала я. — Посмотрим, что скажет на это пастор.

И мы пошли домой вместе. Я и Уинн-Дикси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

то лето, когда я привела Уинн-Дикси, мы только-только переехали в городок Наоми, что в штате Флорида. Пастору дали приход в здешней баптистской церкви Распростертых Объятий. Мой отец — хороший человек и замечательный пастор, но мне иногда трудно воспринимать его как папу, уж больно много времени он проповедует, размышляет о вчерашней проповеди и готовится к завтрашней. Поэтому про себя я всегда называю его «пастором». До моего рождения он был миссионером в Индии — в честь этой страны меня и назвали Индией. Но пастор зовет меня

вторым именем, Опал. Так звали мою мать. А пастор ее очень любил.

По дороге домой я поведала Уинн-Дикси, откуда взялись мои имена и каким образом мы с пастором оказались в Наоми. Еще я рассказала, какой хороший человек пастор, пусть даже он с утра до вечера проповедует, молится и помогает страдальцам. Ну, не остается у него времени сходить в магазин, не остается, и все тут.

— Ты, конечно, облезлый, но это к лучшему, — сказала я Уинн-Дикси. — Ты ведь тоже страдалец, значит, пастору понрависься. И, может быть, он разрешит тебя оставить.

Уинн-Дикси понимающе взглянул на меня и завилял хвостом. Пес чуть прихрамывал — похоже, одна лапа у него была не в порядке. А еще, если совсем честно, от него воняло. Жуть как воняло. В общем, урод уродом, но я уже любила его всей душой.

Когда мы добрались до нашего квартала, который назывался «Трейлерный парк для дружеских бесед», я велела Уинн-Дикси вести себя тихо-скромно, поскольку это было взрослое серьезное место, и я жила тут исключительно потому, что пастор был пастором, а я — тихим-скромным ребенком. То есть «исключением», как любил повторять наш

управляющий, мистер Альфред. Я велела Уинн-Дикси тоже стать исключением, а именно: не ввязываться в драку с кошками мистера Альфреда или с брехливым йоркширским терьером по кличке Самюэль, который принадлежал миссис Детвеллер. Пока я давала эти ценные указания, Уинн-Дикси не сводил с меня глаз и, могу поклясться, понял все от первого до последнего слова.

— Сидеть, — скомандовала я, когда мы дошли до нашего трейлера. Пес-умница тут же сел. — Сиди тут, я сейчас вернусь, — повторила я и прошла в дом.

Пастор работал в гостиной за раскладным столиком. Вокруг был целый ворох бумаг, а пастор потирал переносицу, что означало одно: он думает. Напряженно думает.

— Папа, — окликнула я тихонько.

— Гм-м-м... — отозвался он.

— Папа, ты ведь всегда учишь, что надо помогать тем, кого судьба обделила своими милостями?

— Гmmm-хmmmm... — Он рассеянно оглядел свои бумаги.

— Я нашла того, кого обделили. В магазине.

— Вот как?

— Да, сэр. — Я смотрела на пастора пристально-пристально. Сейчас, как, впрочем, довольно часто, он напо-

минал черепаху, которая прячется в панцире и думает там свою думу, ничуть не интересуясь тем, что творится рядом.

— Папа, а можно этот... тот, кого обделили... останется у нас? На время?

Тут уж пастор поднял глаза.

— Опал, ты о ком?

— Я нашла собаку. Я хочу, чтобы она жила с нами.

— Никаких собак, — отрезал пастор. — Мы об этом уже говорили. Тебе не нужна собака.

— Знаю, — согласилась я. — Мне не нужна собака. Но этой собаке нужна я. Сам посмотри. — Я подошла к двери и позвала: — Уинн-Дикси!

Пес взметнул уши торчком, просиял, чихнул и, хромая, взобрался по ступеням трейлера. Он вошел и положил морду на колени пастора, поверх вороха важных бумаг.

Пастор посмотрел на пса. На сбитую в колтуны шерсть, на проплешины, где шерсти не было вовсе, на торчащие ребра... Пастор поморщился — вы же помните, что от Уинн-Дикси сильно воняло?

Пес посмотрел на пастора. Растянул пасть, показал пастору все свои кривые, желтые зубы и, вильнув хвостом, смахнул на пол несколько листков с проповедью. Потом он чихнул, и остальные бумаги тоже слетели на пол.

— Как ты его назвала? — спросил пастор.

— Уинн-Дикси, — прошептала я, боясь говорить вслух. Похоже, Уинн-Дикси и сам произвел нужное впечатление. Пастор даже слегка высунул голову из панциря.

— И вправду, бродячая собака. — Он отложил ручку и почесал Уинн-Дикси за ухом. — Бродячая, обделенная судьбой. Сомневаться не приходится... Тебе нужен дом? — спросил он Уинн-Дикси совсем другим, мягким голосом.

Пес завилял хвостом.

— Что ж. Дом ты, похоже, нашел, — сказал пастор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

тут же взялась за дело: Уинн-Дикси надо было как-то отчистить и отмыть. Сначала мы приняли душ: я намыливала его детским шампунем и поливала из садового шланга. Пес стоял и не рыпался, хотя мытье было ему явно не по нраву. Стоял оскорбленный, даже не улыбнулся мне ни разу, даже хвостом не вильнул. Но я его вымыла, вытерла и взяла в руки щетку. Свою собственную. Старательно расчесала всю свалявшуюся шерсть, разобрала каждый колтун. Эта процедура понравилась ему куда больше, чем мытье — аж извивался весь от удовольствия.

Все время, пока я трудилась над его внешним видом, я с ним еще и разговаривала. А он слушал. Я объяснила, что мы с ним очень похожи.

— Ну, сам посуди, у тебя нет семьи, и у меня нет семьи. У меня, конечно, есть пастор, но мамы-то все-таки нет. То есть она где-то есть, но где — я не знаю. Она нас бросила, когда мне было всего три года. И я ее почти совсем не помню. Но ведь и ты свою маму не помнишь, спорим? Ну, вот и выходит, что мы с тобой оба сироты.

Тут Уинн-Дикси посмотрел на меня — прямо в глаза. По моему, он был рад, что наконец-то нашелся человек, понимающий, как трудно ему живется на белом свете. Я кивнула ему и продолжила:

— У меня даже друзей нет, потому что все они остались в Уотли, а нам пришлось переехать сюда. Уотли тоже во Флориде, только на севере. Ты был когда-нибудь на севере Флориды?

Уинн-Дикси задумчиво смотрел в землю, припоминая, куда его забрасывала судьба.

— А знаешь, — добавила я, — с тех пор, как мы переехали, я все время думаю о маме, каждый-каждый день. В Уотли так никогда не было...

Уинн-Дикси вскинул уши и удивленно выгнул брови.

— По-моему, пастор тоже все время думает о маме. Он ее все еще любит, я точно знаю, потому что слышала, как в церкви — в нашей бывшей церкви в Уотли — шушукались тетушки. Мол, пастор все еще надеется, что она вернется. Но мне он об этом не говорит. Он вообще со мной о маме не говорит. А я бы так хотела узнать о ней побольше. Только я боюсь расспрашивать пастора — вдруг рассердится?

Уинн-Дикси посмотрел на меня пристально, словно пытался что-то сказать.

— Что? — спросила я.

Он все смотрел.

— Думаешь, стоит все-таки поговорить с пастором? Чтоб рассказал о маме?

Уинн-Дикси все не сводил с меня глаз — даже чихнул от напряжения.

— Ладно, я подумаю, — согласилась я.

Поработала я на славу: пес выглядел теперь куда лучше прежнего. Проплешины, конечно, остались, никуда не денешься, но шерсть, которая имелась в наличии, стала вполне чистой. Гладкая такая, шелковистая. Ребра по-прежнему торчали, но — дайте срок! Я же буду кормить его до отвала,

и он скоро пойдет на поправку. Вот с желтыми кривыми зубами, как видно, ничего не поделаешь, потому что в ответ на все мои попытки почистить их собственной щеткой пес начинал безудержно чихать. Ну да ладно, Уинн-Дикси теперь и так очень неплохо выглядит. Можно запускать его обратно в трейлер — на смотрины к пастору. Пастор работал над поведенью и что-то бормотал себе под нос.

— Папа... — окликнула я.

— Гмм, — отозвался он.

— Папа, посмотри на Уинн-Дикси. Как новенький.

Пастор отложил карандаш, потер пальцем переносицу и, наконец, взглянул в нашу сторону.

— Вот так превращение! — Он широко улыбнулся Уинн-Дикси. — Прямо красавец.

Уинн-Дикси улыбнулся пастору в ответ. А потом подошел и положил морду ему на колени.

— И пахнет от него хорошо, — заметил пастор, почесал пса за ухом и заглянул ему в глаза.

— Папа... — Я решила не откладывать разговор, потому что потом вся моя храбрость могла улетучиться. — Мы тут поговорили с Уинн-Дикси...

— Поговорили с Уинн-Дикси, — машинально повторил папа, поглаживая пса.

— Мы поговорили, и он тоже считает, что раз мне уже десять лет, ты должен рассказать мне о маме. Десять фактов. Всего десять.

Рука пастора замерла, он перестал гладить Уинн-Дикси. Я прямо чувствовала, что он вот-вот втянет свою черепашую голову обратно в панцирь.

— По одному факту на каждый год моей жизни, — сказала я. — Пожалуйста.

Уинн-Дикси посмотрел на пастора и подтолкнул его носом: давай, мол, действуй.

Пастор вздохнул. И сказал — не мне, а Уинн-Дикси:

— Как же я сразу не догадался, что с тобой надо держать ухо востро?

Потом он посмотрел на меня.

— Что ж, Опал, — сказал он. — Садись. Я расскажу тебе десять... фактов. Про маму.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Во-первых... — Пастор задумался. Мы сидели на диване, а Уинн-Дикси примостился между нами. Он уже понял, что диван много лучше пола.

— Во-первых, — повторил пастор. Уинн-Дикси посмотрел на него очень внимательно. — Твоя мама была веселая и смешная.

Расскажет кому угодно... Во-вторых, у нее были рыжие волосы и веснушки.

— Как у меня, — вставила я.

— Как у тебя, — кивнул пастор.

— В-третьих. Она любила сажать и выращивать... все подряд. Талант такой у нее был. Могла посадить в землю колесо и вырастить машину.

Уинн-Дикси принялся грызть лапу, и я потрепала его по голове, чтобы прекратил.

— В-четвертых, — продолжил пастор, — она очень быстро бегала. Наперегонки с ней бегать было непросто, как рванет вперед на старте — непременно обгонит.

— Ой, и я тоже так делаю! Дома, ну там, в Уотли, я обогнала Лайма Фуллертона, а он сказал, что это нечестно и девчонки с мальчишками вообще не должны бегать наперегонки. А я засмеялась и сказала, что он просто жалкий неудачник.

Пастор кивнул. И умолк.

— А что в-пятых? — Я решила напомнить о своем существовании.

— В-пятых, она не умела готовить. У нее все подгорало. Даже вода. И консервные банки не открывались. К куску мяса она даже не знала, как подступиться. В-шестых... — Пастор потер пальцем переносицу и посмотрел вверх. Уинн-Дикси тоже перевел взгляд на потолок. — В-шестых, твоя мама любила рассказы и сказки. Могла слушать их с утра

до вечера. Просто обожала. Особенно смешные, чтоб посмеяться вдоволь. — Пастор кивнул, точно согласился сам с собой.

— Ну а в-седьмых?— спросила я.

— Давай подумаем... Она знала все ночные созвездия. И все планеты, вплоть до последнего астероида. Знала все их названия и мгновенно находила на небе. И могла смотреть на звезды хоть всю ночь... В-восьмых... — Пастор закрыл глаза. — Ей ужасно не нравилось быть женой пастора. Она жаловалась, что терпеть не может, когда прихожанки разглядывают ее в церкви: в чем одета да как поет. Или судачат о том, как она готовит. Она говорила, что не хочет быть мошкой под микроскопом.

Уинн-Дикси растянулся на диване: нос — на коленях у пастора, хвост — у меня.

— В-десятых, — сказал пастор.

— В-девятых, — поправила я.

— В-девятых. Она пила. Пила пиво. И виски. И вино. Иногда не могла остановиться. И из-за этого мы с твоей мамой сильно ссорились. В-десятых... — Он вздохнул. — В-десятых, она тебя очень любила. Очень.

— Но она меня бросила.

— Нас, — тихо сказал пастор. И я прямо увидела, как он втягивает свою черепашую голову в свой дурацкий черепаший панцирь. — Она собрала свои вещи и ушла. Ничегошеньки не оставила.

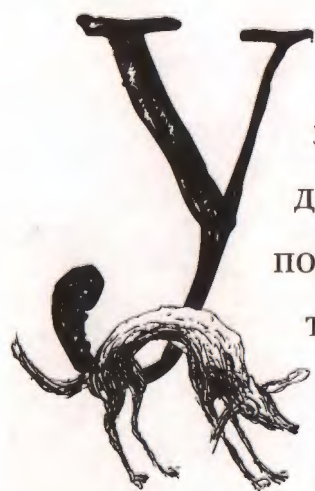
— Ладно. — Я встала с дивана. Уинн-Дикси соскочил следом. — Спасибо, что рассказал.

Я отправилась прямиком в свою комнату и записала все, что пастор рассказал про маму, все десять фактов, в том же порядке — чтобы ничего не забыть. А потом я стала читать их Уинн-Дикси. Много раз. Пока не выучила наизусть. Я хотела знать их назубок.

Чтобы — если мама когда-нибудь вернется — я ее сразу узнала, обняла крепко-крепко и уже не отпускала. Никогда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уинн-Дикси ненавидел оставаться один. Обнаружилось это очень быстро. Если мы с пастором уходили и запирали его в трейлере, он разбрасывал по полу диванные подушки и раскатывал весь рулон туалетной бумаги. Тогда мы попробовали, уходя, привязывать его снаружи. Только это тоже не помогало. Уинн-Дикси начинал выть. Он выл и выл, а потом Самюэль, пес миссис Детвеллер, начинал ему подвывать. А именно такие звуки жители нашего трейлерного городка как раз и не любят — ведь тут живут одни взрослые...

— Он просто не хочет быть один, — объяснила я пастору. — Вот и все. Придется брать его с собой. — Я-то прекрасно понимала, что испытывает Уинн-Дикси. У него, наверно, сердце разрывается от одиночества.

Через некоторое время пастор сдался. И мы стали брать Уинн-Дикси с собой. Куда мы — туда и он. Даже в церковь.

Баптистская церковь Распростертых Объятий в городке Наоми на обычную церковь не похожа. Раньше тут помещался придорожный магазин самообслуживания, и стоило переступить порог, на глаза сразу попадался оставшийся от магазина лозунг: «Быстро хватай — плати — отбегай!» Он был выложен красной плиткой прямо на полу, огромными буквами. Получив приход, пастор попытался закрасить буквы, но ничего не вышло, краска на плитке не держалась. И пастор махнул на это рукой.

Еще церковь Распростертых Объятий примечательна тем, что здесь нет скамеек. Люди приносят с собой раскладные и пластиковые садовые стулья, поэтому они похожи не на прихожан, а на пляжников или отдыхающих на природе: вот-вот начнут барбекю делать... Короче, церковь у нас необычная, и я была уверена, что Уинн-Дикси тут никому не помешает.

Однако, когда мы привели пса в церковь в первый раз, пастор привязал его во дворе.

— Зачем же мы тогда его с собой взяли? — спросила я. — Чтобы снова посадить на веревку?

— Собаке в церкви не место, Опал, — твердо ответил пастор. — Это не обсуждается.

Он привязал Уинн-Дикси к дереву и сказал, что тут, в теничке, собаке будет очень хорошо.

Очень, да не очень. Началась служба. Попели, поговорили, помолились, а потом пастор начал читать проповедь. Только он не сказал и двух слов, как снаружи донесся дикий вой.

Пастор сделал вид, что ничего не замечает.

— Сегодня... — произнес он.

— Уа-уууууу! — отозвался Уинн-Дикси.

— Я прошу вас... — продолжал пастор.

— Уаааа-уууууу!! — продолжал и Уинн-Дикси.

— Как истинных друзей... — говорил пастор.

— Уууууу-аааааа-уууууу!!! — не унимался Уинн-Дикси.

Прихожане заерзали на своих раскладных стульчиках. И начали переглядываться.

— Опал, — сказал пастор.

— Уа-уууууу! — отозвался Уинн-Дикси.

— Что, сэр?

— Отвяжи собаку и приведи сюда! — перекрикивая вой, велел пастор.

— Сию минуту, сэр!

Я выбежала во двор, отвязала Уинн-Дикси и вошла вместе с ним обратно в церковь. Он уселся рядом со мной и широко улыбнулся пастору. И пастор, не удержавшись, улыбнулся ему в ответ. Так уж между ними повелось.

Потом пастор начал проповедь сначала. Уинн-Дикси слушал очень внимательно и даже поводил ушами, словно старался уловить каждое слово. И все шло замечательно... если б не мышка.

В церкви Распростертых Объятий водятся мыши. Они тут остались со времен магазина самообслуживания, когда в помещении было чем полакомиться. Когда под лозунгом «Хватай-отбегай» открылась баптистская церковь, мышки остались, хотя поживиться — кроме крошек от преломления хлеба — им было особенно нечем. Пастор все время твердил, что с мышами пора что-то делать, но пока ничего не делал. Потому что на самом деле он и помыслить не мог о том, чтобы причинить кому-то боль. Даже мыши.

Короче, Уинн-Дикси увидел мышь. И рванул за ней. Еще мгновение назад все шло чинно-благородно, пастор вещал, прихожане слушали, и вдруг все враз переменялось. Пес звонко лаял и носился за мышью, точно лохматая торпеда. Только лапы его разъезжались на натертом полу церкви Распростертых Объятий, а люди хлопали в ладоши, улюлюкали и смеялись. А уж когда Уинн-Дикси все-таки поймал эту мышь, толпа просто взревела, как болельщики на стадионе.

— В жизни не видела, чтобы собака ловила мышей! — сказала миссис Нордли. Она сидела рядом со мной.

— Он у нас особенный, — ответила я.

— Да уж, заметно.

Уинн-Дикси стоял и победоносно помахивал хвостом. Он держал в зубах вполне живую мышь, причем очень аккуратно, чтобы не выпустить, но и не задушить окончательно.

— Похоже, у дворняги в предках были борзые, — сказал кто-то на задних рядах. — Он прирожденный охотник.

Уинн-Дикси тем временем подошел к пастору и положил мышку к его ногам. Та попыталась было дать деру, но пес быстро прижал ей хвост лапой. И улыбнулся пастору. Показал ему все зубы, до единого. Пастор посмотрел на мышку. На Уинн-Дикси. На меня. Потер переносицу. В церкви Распростертых Объятий воцарилась тишина.

— Давайте помолимся, — сказал наконец пастор. — За эту мышь.

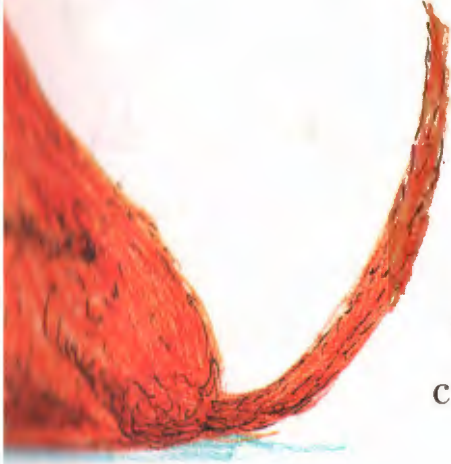
Люди засмеялись и захлопали. Пастор наклонился, взял мышку

за хвост и, пройдя по красной надписи «Хватай-отбегай», выбросил на улицу. Все снова захлопали в ладоши.

Потом он вернулся, и мы стали молиться. Все вместе. Я молилась за маму. Я сказала Богу, что маме наверняка бы понравилась история о том, как Уинн-Дикси поймал мышку. Она бы так смеялась... Я попросила Бога устроить, чтобы я, именно я, смогла рассказать маме эту историю.

А потом я пожаловалась Богу, что в Наоми мне очень одиноко, потому что я тут никаких детей не знаю, кроме тех, что ходят в нашу церковь Распростертых Объятий. А сюда ходят только Данлеп и Стиви Дьюбери, два брата, похожие друг на дружку как две капли воды, хоть и не близнецы. Еще ходит Аманда Уилкинсон, только у нее лицо всегда скукоженное и недовольное, словно она съела кислый лимон. Еще ходит девочка из семейства Томас по прозвищу

Плюшка-пампушка, но ей всего пять лет, и друг из нее вряд ли получится. Да и остальные не хотят со мной дружить, наверно, думают, что я сразу расскажу пастору, если они что-то не так сделают. Короче, боятся неприятностей — с Богом и с родителями. Поэтому,

хотя у меня теперь есть Уинн-Дикси, мне все-таки одиноко.
Так я сказала Богу.

А под конец я помолилась за мышку — как велел пастор.
Я попросила Бога, чтобы он дал ей легкого и приятного полета с порога церкви Распростертых Объятий, что в городке Наоми в штате Флорида. Чтобы она приземлилась на мягкую зеленую траву.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

то лето я целыми днями торчала в Мемориальной библиотеке имени Хермана У. Блока. Солидно звучит, правда? Вы небось думаете, что это огромное здание с колоннами? И ошибаетесь. Это просто небольшой домишко, доверху набитый книгами.

А заведует этими книгами мисс Фрэнни Блок — такая маленькая сухонькая старушка с короткими седыми волосами. С ней первой я и подружилась в Наоми.

Все началось опять же с Уинн-Дикси, который очень переживал, что не может войти со мной в библиотеку. Беднягу

приходилось оставлять во дворе, но я научила его вставать на задние лапы и заглядывать в окошко. Ведь главное для него — видеть меня, пусть даже через стекло, и тогда он будет вполне счастлив. Только когда мисс Фрэнни Блок впервые заметила в окне его башку, она не поняла, что это собака. Она решила, что это медведь.

Вот как это было. Я спокойненько копалась в книжках, даже что-то мурлыкала себе под нос, как вдруг раздался истошный вопль. Я выскочила в большую комнату, к библиотечной стойке и увидела возле нее мисс Фрэнни Блок — на полу.

— Мисс Фрэнни? — окликнула я. — Что случилось?

— Медведь, — пролепетала старушка.

— Медведь?

— Да. Он вернулся.

— Вернулся? Но где он?

— Вон там. — Он ткнула дрожащим пальцем в окно. Там виднелась голова Уинн-Дикси, который во все глаза высматривал свою хозяйку.

— Мисс Фрэнни Блок, это не медведь. Это собака. Моя собака. Зовут Уинн-Дикси.

— Ты уверена?

— Конечно. Совершенно уверена. Это же мой пес. Я его где угодно узнаю.

Мисс Фрэнни по-прежнему сидела на полу и дрожала всем телом.

— Давайте-ка я помогу вам встать, — предложила я и протянула руку. — Все хорошо, ничего не случилось. — Старушка ухватилась за меня, и я подняла ее на ноги. Легенькая она была, точно перышко. Мисс Фрэнни Блок тут же принялась смущенно оправдываться. Мол, я теперь буду считать ее выжившей из ума старухой, которая не может отличить медведя от собаки, но на самом деле в Мемориальную библиотеку имени Хермана У. Блока когда-то давным-давно приходил самый настоящий медведь, и она, мисс Фрэнни Блок, всю жизнь не может оправиться от этого потрясения.

— Когда это случилось? — спросила я.

— О, это длинная история, — отозвалась старушка.

— Так это же здорово, что длинная! — обрадовалась я. — Потому что я очень похожа на мою маму и тоже люблю слушать всякие истории. Только подождите секундочку, я позову Уинн-Дикси, ладно? Пускай тоже послушает. Он ведь без меня очень скучает.

— Собаку? Сюда? — всполошилась мисс Фрэнни Блок. — Но по правилам Мемориальной библиотеки имени Хермана У. Блока...

— Он будет себя вести идеально, — пообещала я. — Он даже в церковь ходит. — И прежде, чем старушка успела возразить, я выскочила на улицу и тут же вернулась с Уинн-Дикси. Он зевнул, вздохнул и растянулся у ног мисс Фрэнни Блок.

Она оторопела.

— Какая огромная собака!

— Еще бы! И сердце у него тоже большое. И очень доброе.

— Вот как? — Мисс Фрэнни наклонилась и погладила Уинн-Дикси, а тот довольно вильнул хвостом и принялся обнюхивать ее маленькие старушечьи ножки. — Что ж, принесу-ка я себе стул поудобнее и расскажу вам все — с начала до конца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

авным-давно Флорида была совсем диким глухим краем, и ничего тут, кроме пальм и комаров, не было... Кстати, комары попадались такие огромные, что могли не только укусить человека, но уцепить его когтями и унести за тридевять земель... Я тогда была совсем маленькой девочкой. И однажды мой папа, Херман У. Блок, сказал, что у меня скоро день рождения и я могу попросить в подарок все, что душе угодно.

Мисс Фрэнни оглядела библиотеку. И наклонилась ко мне поближе.

— Я не хочу хвастаться, — сказала она, понизив голос, — но мой папа был очень богатый человек. Очень богатый. — Она утвердительно кивнула и выпрямилась. — А я была маленькой девочкой, которая любила читать. И я сказала ему: «Папа, подари мне на день рождения библиотеку. Ну, библиотечку такую, небольшую...»

— Вы попросили библиотеку на день рождения?

— Библиотечку, милочка, библиотечку, — уточнила мисс Фрэнни. — Я мечтала иметь маленький домик, где не будет ничего, кроме книг. И мне хотелось, чтобы эти книги читала не только я, а другие люди тоже. И моя мечта сбылась. Папа построил для меня домик, этот самый, где мы сейчас с тобой сидим и разговариваем. И я стала библиотекарем, в совсем юном возрасте. Вот так-то.

— А медведь когда пришел? — напомнила я.

— Я разве не сказала, что Флорида в те времена была совершенно необжитым краем?

— Сказали.

— Дикий край. Дикие люди. И дикие звери.

— Даже медведи водились?

— Еще как водились, милочка! Великое множество!.. Ну а теперь настало время признаться, что я была типичная

всезнайка. Этакая маленькая эрудитка с целым домом книг. Я была уверена, что знаю ответы на все вопросы. И вот однажды я сидела у себя в библиотеке, уткнувшись носом в книгу, и дверь и окна — нараспашку. И вдруг на раскрытую страницу упала тень. Я даже глаз не подняла, просто сказала дежурную фразу: «Какую вы хотите книгу? Я помогу подобрать». Но никто мне не ответил. Я решила, что это кто-то из местных — диких, невежественных людей, которые боятся книг как огня, да и слова толком произнести не могут. Но тут я почуяла запах, странный такой запах, очень резкий и сильный. Я медленно подняла взгляд. Передо мной стоял медведь. Да-да, милочка. Громадный медведь.

— Примерно какой?

— Ну, примерно... втрое больше твоей собаки.

— И что было дальше?

— Дальше-то? Я смотрела на него, а он на меня. Он задрал нос повыше и все принюхивался, все проверял, хороший ли получится обед из этой мелкой всезнайки-библиотекарши. А я сидела ни жива ни мертва. Но потом вдруг подумала: нет уж, дудки. Меня голыми лапами не возьмешь. Ишь чего выдумал — съесть меня захотел! Я медленно, незаметно подняла свою книгу...

— А что вы тогда читали?

— Как, разве я не сказала? «Войну и мир»! Это же толстенная книга. И вот я медленно подняла ее, прицелилась и — швырнула в медведя! Да еще крикнула: «Пшел вон!» Знаешь, что потом случилось?

— Нет... что же?

— Он ушел. Но что самое потрясающее, он забрал с собой книгу! Я этого никогда не забуду.

— Прямо взял и унес?

— Прямо схватил и убежал!

— А он потом возвращался?

— Нет, больше я его не видела. Но народ в городке меня задразнил. Каждый норовил остановить и сказать: «Мисс Фрэнни, мы сегодня видели вашего медведя. Он сидел на опушке леса и читал книгу. Сюжет, говорит, захватывающий. Просил продлить еще на недельку». Да уж, милочка, задразнили меня по первое число. — Она вздохнула. — Правда, сейчас, кроме меня, о медведе уже никто не помнит, помнить некому... Все мои друзья, все, кого я знала в юности, давно на том свете. Никого в живых не осталось.

Она снова вздохнула. Такая печальная старушка... вся в морщинках... Ей в этом городе так же одиноко, как

мне — без друзей, без мамы, — даже утешить некому. Я тоже вздохнула.

До этого Уинн-Дикси слушал, положив голову на лапы, но тут он встрепнулся и стал смотреть попеременно то на меня, то на мисс Фрэнни. А потом сел и показал мисс Фрэнни все зубы.

— Вы только поглядите, — всплеснула руками старушка. — Собака-то умеет улыбаться!

— Ага. У него особый талант.

— Удивительный талант. Совершенно удивительный, — сказала мисс Фрэнни и улыбнулась Уинн-Дикси.

— А давайте дружить, — предложила я. — Будем дружить все вместе: вы, я и Уинн-Дикси. Давайте?

Мисс Фрэнни улыбнулась еще шире.

— Конечно! Это будет замечательно. Просто замечательно!

И как раз в эту минуту, в эту особую минуту, когда мы решили дружить втроем, кто бы вы думали вошел в Мемориальную библиотеку имени Хермана У. Блока? Не кто иной, как Аманда Уилкинсон со своим скукоженным личиком. Она прошла напрямик к библиотечной стойке и сказала мисс Фрэнни:

— «Джонни Тремейн» я дочитала, и мне очень понравилось. Теперь хочу взять что-нибудь посложнее, потому что я — читатель вполне продвинутый.

— Ну разумеется, — ответила мисс Фрэнни. — Сейчас подыщем.

Она поспешно встала и прошла к полкам.

Аманда держалась так, словно вовсе меня не знает. Словно меня тут вовсе нет. Короче, смотрела сквозь меня.

— Разве собак пускают в библиотеку? — спросила она, направляясь следом за мисс Фрэнни.

— Некоторых пускают, — отозвалась старушка. — Избранных.

Тут она повернулась ко мне и подмигнула. А я улыбнулась в ответ. У меня только что появился друг, мой первый в этом городе друг. И эту минуту мне никто не испортит, даже Аманда Уилкинсон со своей вечно кислой миной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проплешины на теле Уинн-Дикси постепенно зарастали, а шерсть, которую я поначалу и расчесать-то толком не могла, теперь засияла, залоснилась — короче, пса было не узнать. Он даже хромать перестал. И он явно гордился тем, что стал так хорош собою и его уже никто не примет за бродячую собаку. Я решила, что самое время купить ему поводок и ошейник, и направилась в зоомагазин «Питомцы Гертруды», где продавались рыбки, змеи, мыши, ящерицы, хомячки и корм для животных. Вот, самое то, что надо! Красивый ошейник и поводок из красной кожи!

Уинн-Дикси не смог войти со мной в магазин, поскольку на двери висела большая броская табличка: «С собаками не входить». Поэтому я показала ему поводок с ошейником через стекло. Стоявший прямо перед окном Уинн-Дикси радостно осклабился, улыбнулся, чихнул и отчаянно завилял хвостом. Я поняла, что ошейник с поводком пришлись ему по душе. Вот только стоили они недешево.

Я решила объяснить ситуацию человеку за стойкой:

— У меня, конечно, не хватит денег, чтобы купить такую красоту. Но эти вещи нравятся и мне, и моей собаке. Может быть, вы позволите купить их в рассрочку?

— В рассрочку? — переспросил мужчина.

— Гертруда! — крикнул кто-то резко и пронзительно.

Я оглянулась. Оказалось — попугай. Он сидел на аквариуме и смотрел на меня в упор.

— Да, в рассрочку, — повторила я, не обращая внимания на птицу. — Ну, вы же понимаете, как это делается. Я вам каждую неделю отдаю деньги, которые отец выдает мне на еду, а вы отдаете мне ошейник с поводком прямо сейчас.

— Боюсь, я не смогу этого сделать, — ответил продавец. — Хозяйке это может не понравиться. — Продавец даже глаз на меня не поднимал, просто стоял понурившись... Его густые

черные волосы были зачесаны назад, как у Элвиса Пресли. На груди болталась бирка с именем. Его звали Отис.

— Хорошо, не надо в рассрочку, — согласилась я. — Давайте я буду на вас работать. Буду подметать, пыль вытирать, мусор выносить. Я все умею.

Я оглядела магазин-зверинец. На полу чего только не было: и песок, и шелуха от семечек, и сваливавшаяся пыль. Подмести бы тут совсем не мешало.

— Гм... — Отис по-прежнему на меня не смотрел, но он явно задумался.

— Гертруда! — снова заверещал попугай.

— Мне вполне можно доверять, — не отступала я. — Мы в вашем городе недавно, но мой папа — пастор в баптистской церкви Распростертых Объятий. Так что я — человек надежный, честное слово. Проблема только одна: мой пес, Уинн-Дикси, долго без меня не может, его придется сюда впускать, иначе он начнет страшно выть.

— Гертруда не любит собак, — сказал Отис.

— У вас попугай — хозяйка магазина? — удивилась я.

— У нас две Гертруды. Гертруда-хозяйка и Гертруда-попугаиха. Эту я назвал в честь той. И эта, попугаиха, не любит собак. — Тут он все-таки посмотрел на меня.

— Гертруда — хорошая птичка, — заверещала попугайха.

— Может, Гертруде даже понравится Уинн-Дикси, — сказала я Отису. — Он почти всем нравится. Давайте попробуем впустить его, пускай познакомятся. Если поладят, вы берете меня на работу. Договорились?

— Посмотрим, — пробормотал Отис и снова уткнулся взглядом в прилавок.

Я, не теряя времени, распахнула дверь, и в магазин рысцой вбежал Уинн-Дикси.

— Собака! — заверещала Гертруда.

— Без тебя знаю, что собака, — отозвался Отис.

И тут Гертруда вдруг притихла. Сидела нахохлившись на аквариуме и только головой водила вслед за Уинн-Дикси — туда-сюда, туда-сюда... А потом Уинн-Дикси остановился и посмотрел ей в глаза. Он стоял не шелохнувшись. Не вилял хвостом. Не улыбался. Не чихал. Просто смотрел на Гертруду, а она — на него. А потом она расправила крылья широко-широко и спикировала с аквариума прямо ему на голову.

— Собака! — снова проверещала Гертруда.

Пес едва заметно вильнул хвостом.

А Отис сказал:

— Можешь приступить в понедельник.

— Спасибо. Вы не пожалеете!— заверила я Отиса.

Выходя из магазина, я сказала Уинн-Дикси:

— Ты прямо мастак заводить друзей. Ни у кого из моих знакомых так не получается. Наверно, если бы тебя увидела моя мама, она бы сказала, что ты самый лучший пес на всем белом свете.

Уинн-Дикси смотрел на меня снизу вверх и улыбался во всю пасть. А я смотрела на него сверху вниз и тоже улыбалась, и мы даже не замечали, куда идем. И в результате чуть не сбили с ног Плюшку-пампушку Томас. Она стояла посреди дороги, сосала средний палец и глазела на витрину «Питомцев Гертруды» круглыми, широко распахнутыми глазами.

— Эта птичка села собачке на голову? — спросила она.

Волосы Плюшки-пампушки были стянуты на макушке в жидкий хвостик — волос мало, а розовой ленточки много.

— Верно, села, — подтвердила я.

— Ага, я видела. — Девочка снова сунула палец в рот, но тут же вынула и добавила: — Я еще твою собачку в церкви видела. Она мышку ловила. Я тоже хочу такую собачку, но мама не разрешает. Она говорит, если я буду себя хорошо

вести, мне купят золотую рыбку или хомячка. Вот. А можно погладить твою собачку?

— Конечно.

Плюшка-пампушка гладила Уинн-Дикси так долго и сосредоточенно, что он даже прикрыл глаза и пустил слюну от удовольствия.

— Мне будет скоро шесть лет, — сказала Плюшка-пампушка. — В сентябре. Тогда я перестану грызть палец. И ко мне придут гости. Ты хочешь прийти ко мне в гости? Все должны прийти во всем розовом.

— Конечно, приду, — заверила я.

— А можно собачка тоже придет? — спросила Плюшка.

— Еще бы!

Мне вдруг стало так хорошо-хорошо на душе... У меня есть собака. Есть работа. Есть друг — мисс Фрэнни Блок. А теперь меня позвали в гости — впервые за мою жизнь в Наоми. Пускай даже к пятилетней малышке, пускай только в сентябре — не важно. Главное, что я теперь не одинока.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всё или почти всё, что случилось со мной в то лето, случилось благодаря Уинн-Дикси. Например, без него я бы никогда не узнала Глорию Свалк. А мой пес нас познакомил.

Произошло это так. Я ехала на велосипеде домой из «Питомцев Гертруды», а Уинн-Дикси бежал рядом. Когда мы проезжали дом Дьюбери, меня заметили Данлеп и Стиви. Они тут же схватили свои велосипеды и бросились вдогонку. Вернее, догонять меня они не собирались. Просто ехали чуть поодаль и говорили про меня всякие гадости — негромко, чтобы я не

слышала. Оба они были совершенно лысыми, потому что с тех пор, как у Данлепа в начале лета завелись вши, мама стала брить мальчишек наголо каждую неделю. А вши у Данлепа взялись от их собственной кошки Сэди. Братья Дьюбери выглядели как

два совершенно одинаковых лысых младенца, хотя даже не были близнецами. Данлепу было, как и мне, десять лет, а Стиви — девять, только он для своего возраста очень высокий.

— Я вас все равно слышу, — крикнула я через плечо. — Все слышу, до последнего слова. — На самом деле я, конечно, ничего не могла разобрать.

Уинн-Дикси побежал быстрее и вскоре меня обогнал.

— Эй, ты лучше смотри за своей собакой! — закричал Данлеп. — Она сейчас к ведьминому дому убежит.

— Уинн-Дикси, ко мне! — окликнула я. Но пес припустил во весь опор, влетел в открытую калитку и исчез. За калиткой виднелся сад, такой заросший, как самые настоящие джунгли.

— Эй, вызволяй теперь свою собаку, да побыстрее! — крикнул Данлеп.

— А то ее ведьма съест! — добавил Стиви.

— Заткнитесь! — Я слезла с велосипеда и подошла к калитке. — Уинн-Дикси! Ко мне! Скорее!

Но пес не появился.

— Ведьма небось уже доедает твою собаку, — сказал Стиви. Они с Данлепом стояли чуть поодаль. — Она ведь только собаками и питается.

— А ну, сгиньте! — не выдержала я. — Сосунки лысые!

— Эй! Придержи язык!

Ты же дочка пастора! — С этими словами Данлеп со Стиви все-таки отступили на пару шагов подальше.

Я постояла, подумала и поняла, что

потерять Уинн-Дикси для меня страшнее, чем встретиться с ведьмой — пожирательницей собак. И я вошла в сад.

— Эта ведьма съест твою собаку на обед, а тобой закусит! — крикнул Стиви мне вслед.

— Мы все пастору расскажем! Пусть знает, что случилось с его дочкой! — добавил Данлеп.

Но я уже была в самой гуще джунглей. Чего тут только не росло! И цветы, и овощи, и деревья, и лианы.

— Уинн-Дикси! — окликнула я тихонько.

— Хе-хе! — вдруг услышала я. — Ну и аппетит у этой собаченции.

Обойдя толстое, поросшее мхом дерево, я наконец увидела Уинн-Дикси. Он что-то ел — прямо у ведьмы с руки! Она посмотрела на меня и сказала:

— Твой пес любит арахисовое маслице. Значит, ему вполне можно доверять.

Ведьма оказалась старухой, смуглой и морщинистой. На голове у нее была мягкая шляпа с широкими полями, вся в цветах. Во рту — ни единого зуба. Только она все равно не была похожа на ведьму. Она была хорошая. И Уинн-Дикси думал точно так же, я поняла это сразу.

— Извините, что он забежал к вам в сад, — сказала я.

— Тут и извиняться не за что! В хорошей компании всегда веселее.

— Меня зовут Опал.

— А меня — Глория Свалк. Неудачная фамилия мне попалась, верно?

— А моя фамилия Булони. Меня в старой школе, в Уотли, часто дразнили Булкой.

— Ха, вот еще выдумали! — засмеялась хозяйка. — Ну а пса твоего как зовут?

— Уинн-Дикси.

Уинн-Дикси радостно забил хвостом об землю. Он даже попытался улыбнуться, но попробуй улыбнись, когда у тебя вся пасть забита арахисовым маслом!

— Уинн-Дикси? — удивилась Глория Свалк. — Как продуктовый магазин?

— Да, мэм.

— Вот так так! Так ему же можно приз давать! За самое оригинальное имя. Верно?

— Да, мэм.

— А я тут как раз делала себе бутерброд с арахисовым маслом. Тебе намазать?

— Спасибо, мэм... намажьте.

— Тогда садись. — Она кивнула на садовый стул с про-
рванной спинкой. — Только остороженько.

Я уселась на самый краешек, и Глория Свалк намазала
мне арахисового масла на кусок белого хлеба. Потом она
себе тоже сделала бутерброд и надела вставную челюсть,
чтобы его прожевать. Расправившись с едой, она сказала:

— Знаешь, у меня глаза теперь совсем никуда не годятся.
Вижу не человека, а только его очертания. Поэтому больше
полагаюсь на сердце. Давай ты мне расскажешь про себя
всё-всё. Чтобы я смогла разглядеть тебя сердцем.

И я рассказала. Потому что Уинн-Дикси смотрел на нее
с таким обожанием. Потому что бутерброд оказался необы-
чайно вкусным. А главное — потому что я давно уже хотела
кому-нибудь рассказать о себе всё-всё, без утайки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

рассказала Глории Свалк всё-всё. И про то, как мы с пастором совсем недавно переехали в Наоми и как мне пришлось расстаться со всеми старыми друзьями. Рассказала, что мама нас бросила, и перечислила все десять фактов, которые я про нее знала. Еще я объяснила, что ~~з~~десь, в Наоми, я скучаю по маме так сильно, как никогда не скучала в Уотли. Я рассказала, что пастор похож на черепаху, потому что все время прячет голову в панцирь. Рассказала, как нашла Уинн-Дикси в продуктовом магазине, и как, благодаря ему, подру-

жила с мисс Фрэнни Блок и получила работу в магазине «Питомцы Гертруды» у человека по имени Отис, и как меня пригласили на день рождения к Плюшке-пампушке Томас. Я даже рассказала Глории Свалк, что Данлеп и Стиви Дью-бери называют ее ведьмой. Но, конечно, добавила, что они сами — тупые, подлые лысые младенцы и я им нисколько не верю, во всяком случае теперь.

Я говорила, а Глория Свалк слушала. Она меня не перебивала, только кивала, улыбалась, хмурилась, хмыкала и изредка вставляла: «Неужели?»

Чувствовалось, что она и вправду слушает меня сердцем, и мне от этого было очень хорошо.

— Знаешь что? — произнесла она, когда я закончила свой рассказ.

— Что?

— Может быть, ты куда больше похожа на свою маму, чем ты думаешь? Может, тебе от нее досталось еще кое-что, кроме рыжих волос, веснушек и умения быстро бегать?

— Правда? А что, например?

— Ну, вдруг у тебя тоже легкая рука — что ни посадишь, все вырастет? Давай попробуем посадить что-нибудь прямо сейчас. Вот и проверим твою руку.

— Давайте.

Глория Свалк решила, что я посажу дерево. Во всяком случае, она сказала, что это дерево. По мне, так просто росток какой-то — не то цветок, не то трава. Она велела мне вырыть яму, опустить туда корень, аккуратно присыпать землей и похлопать, точно я укладываю спать маленького ребеночка и подтыкаю ему на ночь одеяло.

— А какое это дерево? — поинтересовалась я.

— Дерево называется «поживем-увидим», — ответила Глория Свалк.

— Что это значит?

— Значит, пусть растет, а когда вырастет, мы посмотрим, как оно называется.

— А я могу завтра зайти проверить, на сколько оно подросло?

— Девочка, — сказала Глория Свалк, — покуда это мой сад, ты тут всегда желанная гостья. Но за один день твое дерево вряд ли сильно изменится.

— А я и вас зайду повидать. Заодно, — сказала я.

— Гм... приходи. Я вроде никуда завтра не собираюсь. Буду дома.

Тут я разбудила Уинн-Дикси. Он все зевал и потягивался, а усы у него так и остались перепачканы арахисовым маслом. На прощанье пес лизнул руку Глории Свалк, а я ее горячо поблагодарила.

В тот вечер, когда пастор подтыкал мне на ночь одеяло, я рассказала ему, что работаю теперь в магазине «Питомцы Гертруды», что я подружилась с мисс Фрэнни Блок, что я приглашена на день рождения к Плюшке-пампушке

Томас, а еще — про Глорию Свалк. Уинн-Дикси лежал на полу, дожидаясь ухода пастора, — ему уже не терпелось, по обыкновению, устроиться на моей кровати на ночь. Когда я договорила, пастор поцеловал меня, а потом наклонился и поцеловал Уинн-Дикси, прямо в макушку.

— Ладно, так и быть, прыгай на постель, — сказал он собаке.

Уинн-Дикси посмотрел на пастора. Он не улыбнулся, а раскрыл пасть широко-широко. Казалось, пес хохочет, точно пастор рассказал ему самый смешной анекдот на свете. И что самое невероятное — пастор расхохотался в ответ. Уинн-Дикси запрыгнул на кровать, а пастор встал и погасил свет. Я потянулась и тоже поцеловала Уинн-Дикси. В нос. Но он этого уже не заметил. Он крепко спал и даже похрапывал во сне.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В ту ночь случилась очень сильная гроза. Но разбудил меня не гром и не молния. Разбудил меня Уинн-Дикси. Он скулил и тыкался головой в закрытую дверь спальни.

— Уинн-Дикси! — окликнула я. — Ты что делаешь?

Но пес, казалось, меня не слышал. Он продолжал биться головой о дверь, скуля и повизгивая. Я выбралась из постели, подбежала к нему, погладила и даже испугалась, потому что он весь трясся и не обращал на меня никакого внимания. Я села на пол рядом с ним, обхватила его

руками, но он не улыбнулся, не чихнул, не завилял хвостом — короче, не проделал ничего из своих обычных штучек... Он даже не посмотрел в мою сторону. Только дрожал, скулил и тыкался головой в дверь.

— Ты хочешь открыть дверь? — спросила я. — Всего-то? Ну, давай откроем.

Я встала и распахнула дверь. Уинн-Дикси пулей вылетел из комнаты, словно за ним гналось огромное страшное чудовище.

— Уинн-Дикси, — окликнула я громким шепотом, — ко мне. Скорее!

Мне вовсе не хотелось, чтобы пес разбудил пастора. Но куда там! Уинн-Дикси уже был на другом конце трейлера, в комнате пастора. Я поняла это по звукам: сначала Уинн-Дикси — взззз-бум — запрыгнул на кровать, а потом послышался голос пастора — то-то он, наверно, удивился. Но вскоре звуки изменились, потому что Уинн-Дикси выскочил от пастора как оглашенный. Тяжело дыша, он метнулся обратно ко мне в комнату, я было дернулась, но поймать его не успела.

— Опал! — позвал пастор. Он стоял на пороге своей спальни, весь всклокоченный и растерянный, словно спросонок не понимал, где он и что с ним. — Опал! Что тут происходит?

— Не знаю.

В этот миг ударил гром, да так сильно, что наш трейлер содрогнулся вместе с землей. Уинн-Дикси снова выскочил из комнаты и понесся прямо на пастора.

— Папа! Берегись!

Но пастор все никак не мог прийти в себя. Он стоял на пути Уинн-Дикси, а тот летел на него, как шар в кегельбане на единственную оставшуюся несбитой кеглю... Миг — и оба покатались по полу.

Я ойкнула.

— Опал? — подал голос пастор. Он лежал на животе, а сверху на нем, пыхтя и повизгивая, лежал Уинн-Дикси.

— Да, сэр?

— Опал? — снова позвал пастор.

— Я здесь, сэр, — ответила я погромче.

— Ты знаешь, что такое патологический страх?

— Нет, сэр.

Пастор приподнял руку. Потер переносицу.

И, помолчав, сказал:

— Это такой страх, который по силе своей превосходит любые страхи. Никакие уговоры и увещания тут не помогут.

В этот момент снова прогремел гром. Уинн-Дикси взвился под потолок, словно его ткнули раскаленной железкой. Шмякнувшись об пол, он снова заметался и рванул в мою комнату. Я больше не пыталась его ловить, просто уступила дорогу.

Пастор все лежал, потирая нос. Наконец он сел. И сказал:

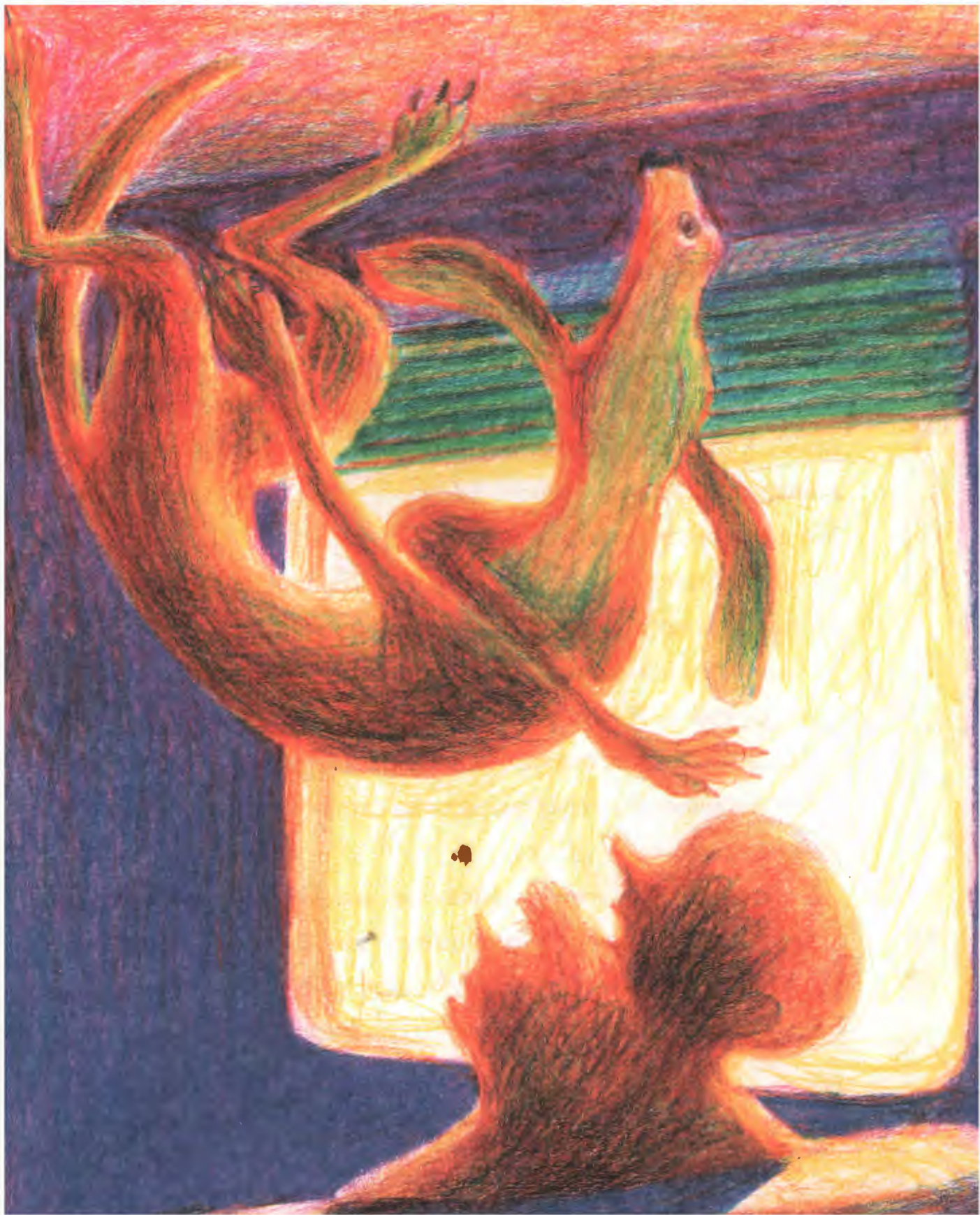
— Опал, я думаю, наш Уинн-Дикси испытывает патологический страх. Он боится грозы.

Не успел он договорить, как показался Уинн-Дикси. Он летел, словно по пятам за ним гналась смерть. Я быстро помогла пастору встать и утянула его с пути обезумевшей собаки.

Ни помочь, ни отвлечь Уинн-Дикси мы, похоже, не могли. Поэтому мы просто сидели и смотрели, как он, тяжело дыша и роняя слюну, мечется взад-вперед по трейлеру. Каждый удар грома снова и снова повергал его в ужас, словно возвещал о несомненном конце света.

— Гроза скоро пойдет на убыль, — сказал мне пастор. — А когда она стихнет, к нам вернется настоящий Уинн-Дикси.

Гроза и в самом деле стихла. Дождь прекратился.

Молнии больше не сверкали. И когда вдали пророкотал последний раскат грома, притих и Уинн-Дикси. А потом, как ни в чем не бывало, подошел к нам с пастором и лукаво склонил голову набок, словно поинтересовался: «А чего это вы тут делаете среди ночи? Не спится, что ли?»

А потом он забрался на диван. У него это очень смешно получается: не лезет, а скользит будто уж, по чуть-чуть и как будто нечаянно. Он даже смотрит в сторону, точно не имеет к происходящему с собственным телом никакого отношения: я никуда, ну совсем никуда не собирался, и как это я оказался на диване? Ума не приложу.

Теперь мы сидели тут втроем. Я поглаживала Уинн-Дикси по голове и чесала за ухом — как он любит.

— Летом во Флориде гремят грозы, — заметил пастор.

— Да, сэр. — Я затаила дыхание.

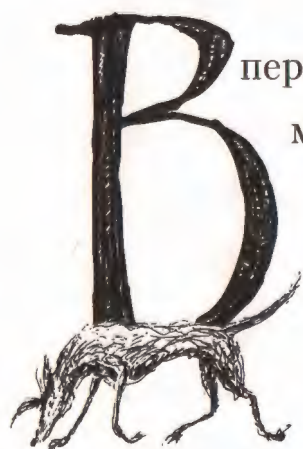
Вдруг он сейчас скажет, что мы не можем держать собаку с патологическим страхом, раз она сходит с ума при первом ударе грома?

— Придется за ним хорошенько следить, — продолжил пастор и положил руку на спину Уинн-Дикси. — Главное, чтобы он во время грозы не оказался на улице. Иначе он может убежать. Надо уберечь его от беды...

— Конечно, сэр. — Мне вдруг стало трудно говорить. Я так любила пастора. Я любила его за то, что он любил Уинн-Дикси. Я любила его за то, что он простил Уинн-Дикси его отчаянный страх. Но больше всего я любила его за то, что он положил руку на спину Уинн-Дикси, почти обнял его, чтобы уберечь от беды.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Первый день работы мы с Уинн-Дикси явились в зоо-магазин так рано, что на окне «Питомцев Гертруды» еще висела табличка «Закрито». Недолго думая, я толкнула дверь, и она распахнулась. Мы вошли. Я хотела было окликнуть Отиса — сказать ему, что мы уже здесь, но тут послышалась музыка. Самая красивая музыка, какую мне когда-либо доводилось слышать. Я огляделась, пытаюсь понять, откуда она доносится, и вдруг заметила, что все клетки открыты и зверюшки повывлезали наружу. Кролики и хомяки, мыши и птицы, ящерицы и змеи застыли на полу, точно каменные,

а Отис, в остроносых ковбойских сапогах стоял посередине. Он играл на гитаре и притопывал в такт. Глаза его были закрыты. Он улыбался.

На морде Уинн-Дикси появилось мечтательное выражение. Он широко улыбнулся Отису, чихнул, встопорщил усы, а потом вдруг вздохнул и бухнулся на пол рядом с остальным зверьем. Тут его заметила Гертруда.

— Собака! — закричала попугайха и незамедлительно перепорхнула на голову Уинн-Дикси. Отис открыл глаза и перестал играть. Чары кончились. Кролики начали прыгать, птицы — летать, ящерики — бегать, змеи — ползать, а Уинн-Дикси — лаять и гоняться за всем, что движется.

— Фу-ты ну-ты! — всполошился Отис. — Помогай!

Мы принялись ловить мышей, хомяков, змей и ящериц. Это длилось целую вечность. При этом мы то и дело сталкивались друг с другом и спотыкались о животных, а Гертруда продолжала вопить: «Собака! Собака!»

Поймав какого-нибудь зверька, я тут же засовывала его в первую попавшуюся клетку и захлопывала дверцу — искать его настоящий дом времени не было.

Думала я при этом только об одном: должно быть, Отис — заклинатель змей или что-то в этом роде, иначе как бы

он заворожил всю эту живность своей музыкой? А потом я сказала себе: «Тогда что же мы глупостями занимаемся?» — и крикнула — громче воплей Гертруды и лая Уинн-Дикси:

— Отис, возьмите гитару! Надо еще поиграть!

Он посмотрел на меня задумчиво, а потом заиграл. И тут же все стихло.

Уинн-Дикси улегся на пол, чихнул, поморгал, еще чихнул и блаженно улыбнулся. Мыши, хомяки, кролики, змеи и ящерицы, которых мы еще не успели поймать, застыли кто где, и я спокойно, по одному, переместила их в клетки.

Когда я закончила, Отис отложил гитару и, не поднимая глаз, сказал:

— Я просто хотел им поиграть... Им так нравится...

— Конечно! Понятно. А из клеток они сами выбрались?

— Нет. Я их вынимаю. Жалею я их
больно: сидят целыми днями взаперти.
Уж я-то знаю, каково взаперти сидеть...

— Знаете? Вас запирали?

— Я в тюрьме сидел, — ответил Отис. Он
метнул на меня быстрый взгляд, а потом снова
стал смотреть вниз, на сапоги.

— В тюрьме? — Я опешила.

— Ладно, это не важно, — сказал Отис. —
Ты ведь пол пришла мести?

— Да, сэр.

Он прошел за прилавок, покопался там
и наконец извлек веник.

— Вот, держи. Пора начинать.

Только Отис, похоже, все пе-
репутал. Он протягивал мне не
веник, а свою гитару.

— Чем мести? Гитарой? —
спросила я.

Он покраснел, дал мне
веник, и я принялась за
работу.

Подметаю хорошо. Я подмела весь магазин чисто-начисто, а потом еще пыль вытерла на некоторых полках. Пока я работала, Уинн-Дикси ходил за мной по пятам, а за ним летала Гертруда, то и дело норовя усесться ему на голову. Она все повторяла: «Собака! Собака!» — впрочем, уже тихонько.

В конце концов я всё убрала, и Отис сказал мне спасибо. «А пастору наверно не понравится, что я работаю у преступника», — подумала я, выйдя из магазина.

Там, как всегда посасывая палец, меня поджидала Плюшка-пампушка Томас.

— Я все видела, — заявила она, уставившись на меня своими глазищами.

— Что ты видела?

— Как все звери вылезли из клеток и сидели тихо. Этот дядя — волшебник?

— Вроде того.

Плюшка крепко обняла Уинн-Дикси.

— И собачка твоя сидела. Которую зовут, как продуктовый магазин. Сидела?

— Ну, сидела.

Я направилась к дороге, а Плюшка вынула палец изо рта и сунула ладошку мне в руку.

— Ты придешь ко мне на день рождения? — спросила она.

— Конечно, приду.

— Не забудь, все должны быть в розовом. Такой уговор.

— Я помню.

— Мне надо идти, — сказала вдруг Плюшка. — Я пойду домой и расскажу маме всё, что было у вас в магазине. Я вон там живу. В том желтом домике. Там моя мама стоит на крыльечке — видишь? Она машет тебе рукой.

Я тоже помахала, и женщина на крыльце махнула в ответ. Потом я смотрела вслед Плюшке-пампушке, а она бежала рассказывать маме, что Отис, продавец из зоомагазина, — самый настоящий волшебник. Тут я, конечно, вспомнила о своей маме. Вот бы рассказать ей, как Отис заморозил всех «питомцев Гертруды» разом. У меня накопилось уже много разных историй для мамы. Ну, во-первых, про мисс Фрэнни и медведя, потом про мою встречу с Глорией Свалк — я ведь все-таки поверила, что она ведьма, пусть на минутку, но поверила. Мне казалось, что маме такие истории наверняка понравятся, ведь она сможет вволю посмеяться. Пастор же сам говорил, что моя мама ужас какая смешливая.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вскоре мы с Уинн-Дикси уже привыкли вставать пораньше, чтобы прийти в магазин, когда Отис развлекает «Питомцев Гертруды» игрой на гитаре. Иногда с нами «на концерт» пробиралась и Плюшка-пампушка. Она садилась на пол, обхватывала Уинн-Дикси обеими руками за шею и начинала раскачиваться, словно баюкала огромного плюшевого мишку. А когда музыка смолкала, она принималась расхаживать меж полок, выбирая, какого же зверька ей попросить на день рождения. Но потом ей надоедало и это занятие, и она убегала домой. Ведь на

самом деле никакой зверек ей не был нужен. Она мечтала только об Уинн-Дикси. Проводив Плюшку, я подметала, вытирала пыль и даже помогала Отису прибирать на полках, потому что у него это получалось не очень-то ловко. Не так, как у меня. А перед моим уходом Отис помечал в тетрадке, сколько времени я отработала. На обложке тетрадки было написано: «Один красный кожаный ошейник. Один красный кожаный поводок». И Отис всегда вел себя как самый обычный человек, никакой не преступник.

Поработав в «Питомцах Гертруды», мы с Уинн-Дикси отправлялись в Мемориальную библиотеку имени Хермана У. Блока — поговорить с мисс Фрэнни Блок и послушать еще одну занимательную историю. Но все-таки самым любимым моим местом в то лето был сад Глории Свалк. Уинн-Дикси тут, по-моему, тоже очень нравилось, потому что, когда до дома Глории оставался один квартал, он непременно обгонял мой велосипед и неся вперед, в сад, во всю прыть. А уж там его всегда ждал бутерброд с арахисовым маслом.

Иногда за мной увязывались Данлеп и Стиви. Они кричали:

— Вот и пасторская дочка! Собралась к ведьме в гости!

— Никакая она не ведьма, — говорила я, но они ничего и знать не хотели. Вбили себе в голову, идиоты этикие, будто Глория — ведьма. Разве их переспоришь?

Однажды Стиви сказал:

— Моя мама говорит, что ты ведешь нездоровый образ жизни. Торчишь в помещении. То в магазине, то в библиотеке в книжках роешься, то у этой... И нечего целыми днями со старухами разговаривать. Надо гулять на свежем воздухе и общаться с детьми своего возраста. Так мама говорит. Вот.

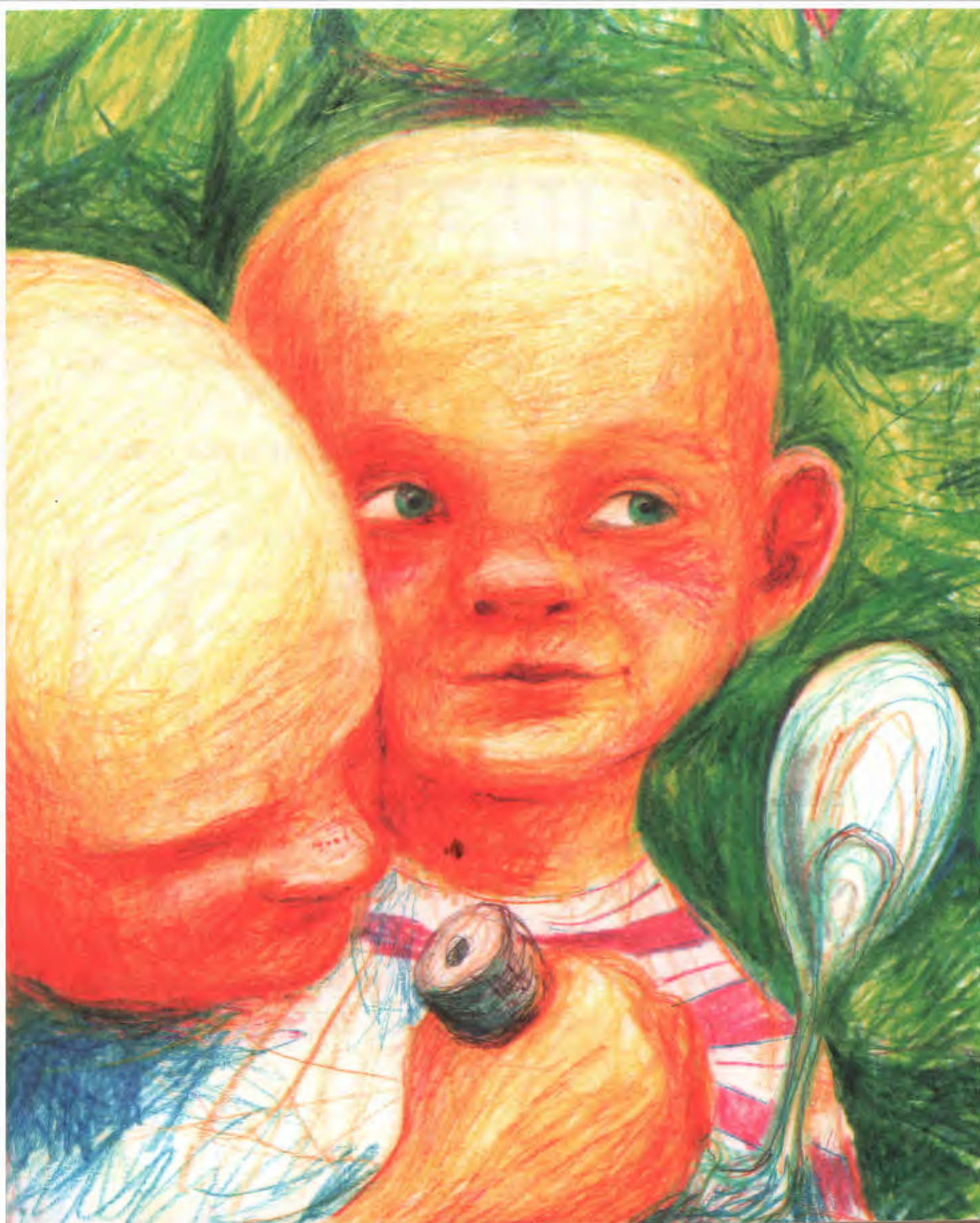
— Отстань от нее, — оборвал его Данлеп и повернулся ко мне. — Ты его не слушай. Он ничего плохого не хотел сказать.

Но я была в бешенстве. И крикнула Стиви:

— Мне наплевать, что говорит твоя мамочка. Мне она не мама, и она не имеет права диктовать мне, как жить.

— Сейчас все маме скажу! — завопил Стиви. — А она скажет твоему папе, и он отругает тебя прямо в церкви, перед всем приходом. А дядька из магазина — полоумный. И в тюрьге сидел. Надо еще проверить, знает ли об этом твой папочка.

— Отис никакой не полоумный, — возразила я. — А что он в тюрьме сидел, так мой папа это и без тебя знает. — Я, конечно, соврала. Но меня это ничуть не заботило.

— Иди-иди, ябедничай! Сам ты лысый оручий сосунок.

Такие стычки с Данлепом и Стиви происходили почти ежедневно и выматывали меня вконец. Добравшись до сада Глории Свалк, я ощущала себя случайно уцелевшим на поле боя солдатом. На поле очень жаркого боя.

Для начала, без всяких вопросов, Глория делала мне бутерброд с арахисовым маслом, а потом наливала кофе пополам с молоком. И я приходила в себя.

— Почему ты не играешь с этими мальчиками? — спросила как-то Глория.

— Потому что они тупицы. Все еще думают, что вы — ведьма. Сколько ни говорю, сколько ни объясняю — бесполезно.

— А я думаю, на самом деле они пытаются с тобой подружиться. Просто не знают как, — заметила Глория.

— Но я не хочу с ними дружить! — заявила я твердо.

— А зря. Дружья-мальчики, да еще целых два, это не так плохо. Даже здорово.

— Я лучше с вами поговорю, — сказала я. — А они тупицы. Подлые тупицы. И к тому же мальчишки.

Глория покачивала головой и вздыхала, а потом спрашивала, что нового в мире. И у меня всегда находилось что ей рассказать. И я рассказывала. Всегда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Иногда я рассказывала Глории то, что только что услышала от мисс Фрэнни Блок. Иногда переразвивала Отиса — изображала, как он отстукивает ритм ногой в остроносом ковбойском сапоге и бренчит на гитаре, а звери застыли на полу и глаз с него не сводят.

Глорию этот рассказ всегда очень веселил, и она громко смеялась. А иногда я сама придумывала какую-нибудь историю, и Глория внимательно выслушивала ее от начала до конца. Она говорила, что обожает

всякие истории и раньше много читала. А теперь вот с глазами совсем беда, и читать она уже не может.

— Давайте купим вам сильные-пресильные очки, — предложила я.

— Детка, на мои глаза никаких очков не хватит, — ответила Глория.

Как-то раз, когда мы уже покончили с ежедневным рассказом, я решила сообщить Глории, что Отис — преступник.

Меня давно подмывало рассказать об этом кому-то из взрослых, а Глория была самым лучшим взрослым из всех, кого я знала.

— Глория... — начала я.

— Что скажешь?

— Вы ведь знаете Отиса?

— Ну, лично не знаю. Но знаю то, что ты о нем рассказываешь.

— Я не все рассказала. Отис — преступник. Он сидел в тюрьме. Как вы думаете, мне надо его бояться?

— Бояться? Почему?

— Ну... не знаю... Потому что он совершил что-то плохое. Потому что сидел в тюрьме.

— Детка, давай я тебе кое-что покажу. — Глория медленно, с трудом, поднялась и подала мне руку. — Пойдем-ка в самый дальний конец сада.

— Пойдемте.

Мы двинулись вперед, а Уинн-Дикси, конечно, увязался следом. У Глории был огромный сад, и побывать в дальнем его конце мне еще не довелось. Мы остановились у толстого старого дерева.

— Посмотри на это дерево, — сказала Глория.

Я подняла глаза. С каждой или почти каждой ветки свисали бутылки. Всякие-всякие — из-под виски, пива и вина — каждая на отдельной веревочке. Они качались и иногда сталкивались, издавая жутковатый звон. Мы с Уинн-Дикси просто стояли и смотрели на дерево, но потом вдруг шерсть на загривке моего пса встала дыбом, и он глухо, не раскрывая пасти, зарычал.

Глория Свалк ткнула своей тростью в дерево и спросила:

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — сказала я. — А почему тут висит столько бутылок?

— Чтобы отпугивать призраков.

— Каких призраков?

— Чтобы все плохие дела, все ошибки, которые я натворила в жизни, не терзали мою душу.

Я снова посмотрела на дерево.

— Вы сделали в жизни так много плохого?

— Хм... Куда больше, чем бутылок на этом дереве, — сказала Глория.

— Но вы самая лучшая из всех, кого я знаю.

— Это еще не гарантия от дурных поступков.

— Там бутылки из-под виски. И еще пивные... — сказала я растерянно.

— Детка! Ты рассказываешь это мне? Я это и так знаю. Я их сама туда повесила. А сначала сама выпила то, что было внутри.

— Моя мама тоже пила... — прошептала я.

— Знаю-знаю, — отозвалась Глория Свалк.

— Пастор говорит, что иногда она так пила, что не могла остановиться.

— Гм... так бывает. Некоторым это свойственно. Мы начинаем пить, а остановиться уже не можем.

— Так вы тоже? Такая?

— Именно. Такая. Но теперь я ничего крепче, чем кофе, не употребляю.

— Значит, это все виски... и пиво, и вино! Это они заставили вас совершать плохие поступки, которые теперь превратились в призраков?

— Да. Некоторые. А некоторые я бы все равно совершила, и алкоголь тут ни при чем. Человек успевает сделать кучу глупостей, пока не поумнеет.

— А как можно поумнеть?

— Поумнеть — значит узнать самое главное.

— Самое главное? — переспросила я. — А что это такое?

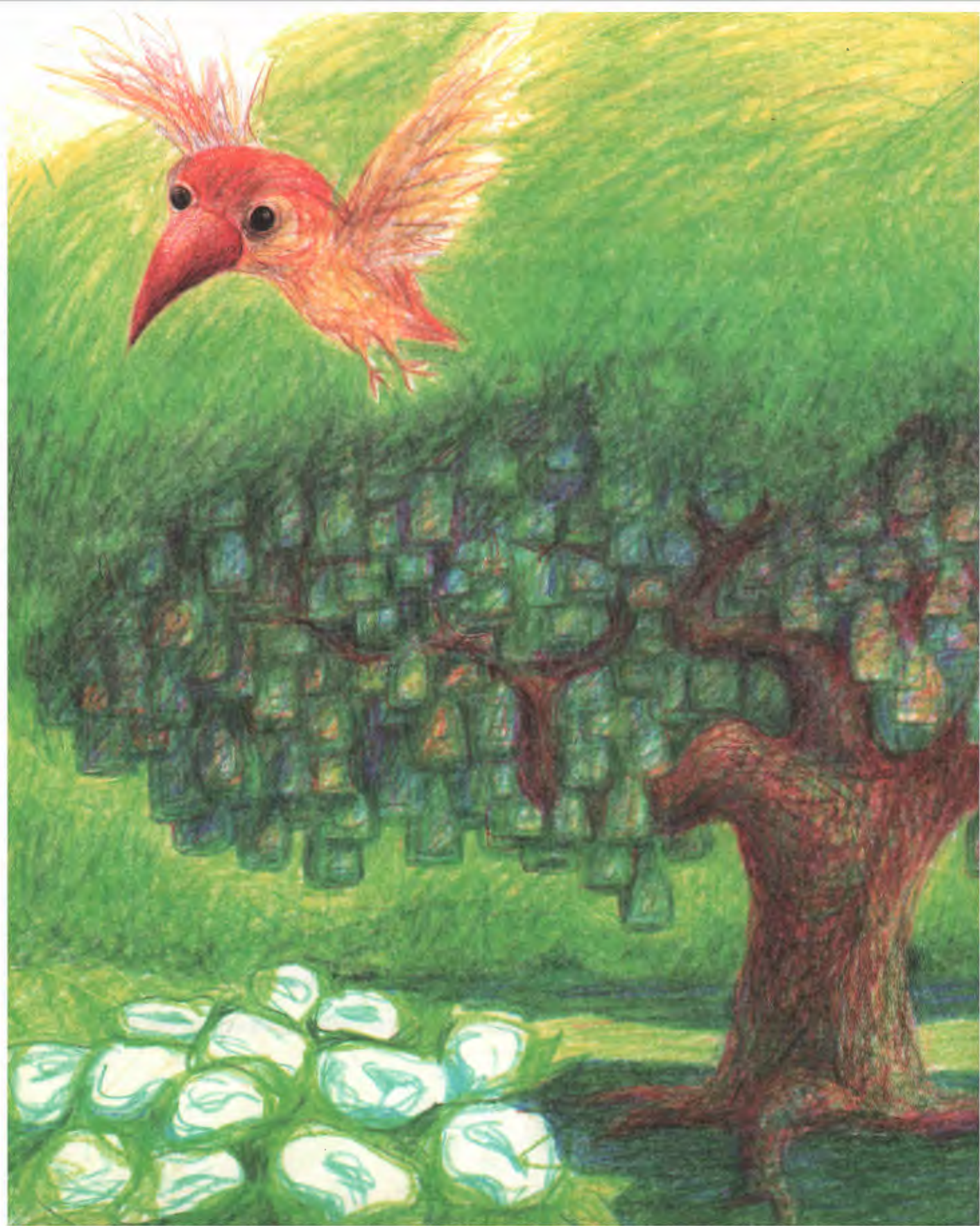
— У каждого человека оно разное. Каждый открывает его для себя сам. Но важно запомнить: нельзя судить людей по тому, что они делали раньше. Судить надо по тому, что они делают сейчас. Вот, например, Отис. Каким ты его видишь? Он играет чудную музыку и жалеет зверье, которое сидит в клетках. Вот и суди об Отисе по тому, что ты знаешь о нем сегодня. Договорились?

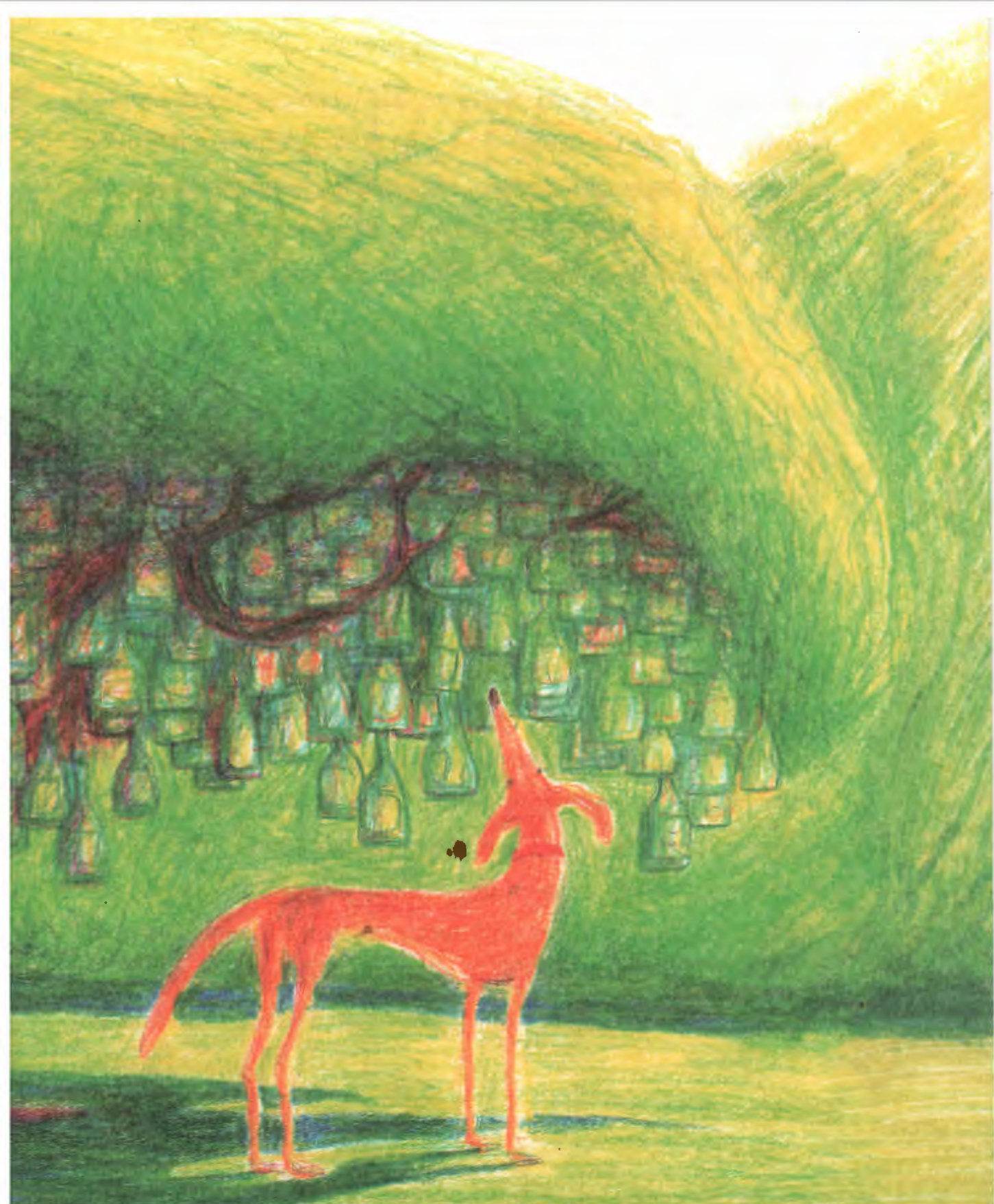
— Да, мэм.

— А мальчишек этих, братьев Дьюбери, ты тоже не суди слишком строго. Ладно?

— Ладно.

— Ну вот и хорошо, — сказала Глория Свалк и пошла прочь. Уинн-Дикси ткнул меня мокрым носом и завилял

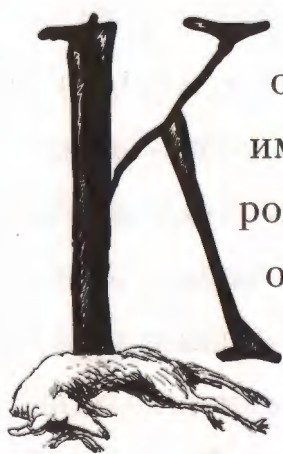

хвостом, но, увидев, что меня не так легко сдвинуть с места, сам устремился за Глорией. А я осталась, где была, и снова стала рассматривать дерево. Интересно, у моей мамы тоже есть дерево ошибок? А я, наверно, являюсь ей как призрак из прошлого? Ведь порой и она мне кажется призраком.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кондиционер в Мемориальной библиотеке имени Хермана У. Блока работал не очень хорошо, а вентилятор там вообще был только один, поэтому, едва мы переступали порог, Уинн-Дикси оккупировал этот вентилятор целиком и полностью. Он устраивался перед струей воздуха, поочередно подставлял бока, чтобы ему раздувало шерсть, и вилял хвостом. Шерсть у него и так ~~не~~ слишком густая, а новая вообще была тонкая и легкая словно пух. И мне все казалось, что она вот-вот слетит с него как пух с одуванчика. Меня все это

сильно тревожило — и что он никого не подпускает к вентилятору, и что он может вовсе лишиться шерсти, но мисс Фрэнни велела мне не волноваться попусту. Пусть пес наслаждается прохладой сколько душе угодно. А то, что ни одна собака пока не облысела от вентилятора — это точно.

Иногда, когда мисс Фрэнни рассказывала мне очередную историю, у нее случался припадок. Не сильный такой припадок, и длился он недолго, но... все-таки. Она вдруг забывала, что хочет сказать. Просто смолкала и начинала трястись мелкой дрожью, точно листок на ветру. И всякий раз, когда у мисс Фрэнни начинался припадок, Уинн-Дикси тут же отходил от вентилятора, садился возле нее и сидел — такой высокий, внушительный, — охраняя старушку. А уши у него стояли торчком, неподвижно, как солдаты на посту. Но стоило мисс Фрэнни прийти в себя и снова заговорить, Уинн-Дикси, лизнув ей руку, опять отправлялся к вентилятору.

Припадки мисс Фрэнни очень напоминали мне поведение самого Уинн-Дикси во время гроз. А грозы в то лето случались очень часто, и я здорово наловчилась удерживать Уинн-Дикси. Я обнимала его крепко-крепко, гладила, нашептывала на ухо добрые слова и даже баюкала. Короче, успокаивала — точь-в-точь как Уинн-Дикси успокаивал

мисс Фрэнни Блок. Только его еще надо было держать, обязательно держать, чтобы не убежал ненароком.

В грозу и во время припадков мисс Фрэнни я всегда вспоминала о Глории Свалк. Ее, наверно, тоже нужно успокаивать, когда бутылки на ее дереве звенят особенно громко и являются призраки — напомнить обо всем плохом, что она сделала в жизни. Мне так хотелось помочь ей, успокоить, утешить. И однажды я решила, что почитаю ей книгу, сама, вслух. Может, это заставит призраков держаться от нее подальше?

И я сказала мисс Фрэнни:

— Вот у меня есть друг... взрослый... взрослая... У нее очень плохо со зрением, поэтому я хочу почитать ей вслух. А какую книгу выбрать? Вы можете дать мне совет?

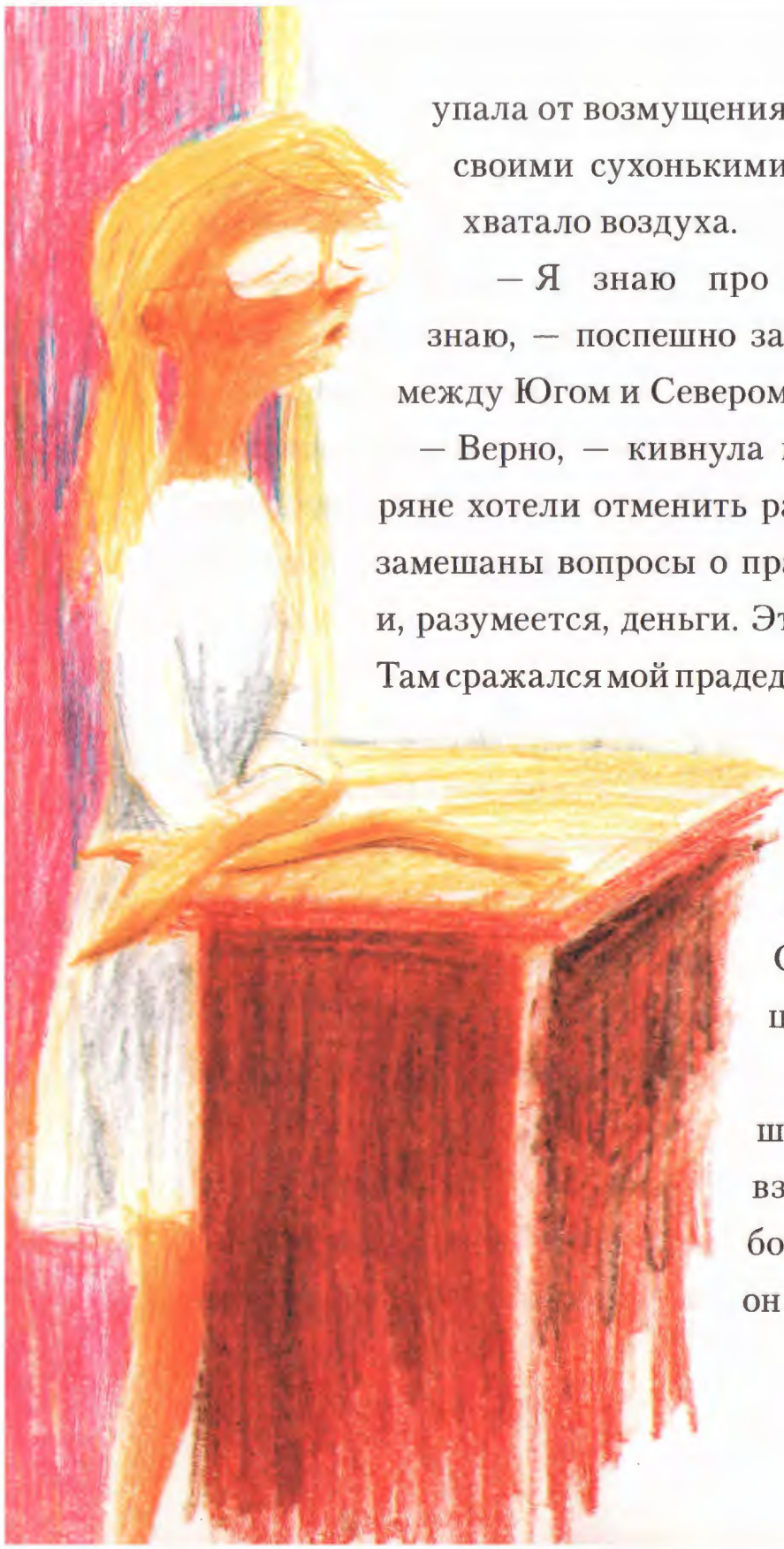
— Совет? А как же! Конечно дам! Почитай ей «Унесенные ветром».

— Это о чем? — спросила я.

— Ну как же?! Это замечательная книга о Гражданской войне.

— О какой войне?

— Только не говори, что не знаешь, что в Америке была Гражданская война. — Мисс Фрэнни чуть в обморок не

упала от возмущения. И стала обмахиваться своими сухонькими ручками, точно ей не хватало воздуха.

— Я знаю про Гражданскую войну, знаю, — поспешно заверила я. — Это война между Югом и Севером за отмену рабства.

— Верно, — кивнула мисс Фрэнни. — Северяне хотели отменить рабство, а еще там были замешаны вопросы о правах отдельных штатов и, разумеется, деньги. Это была ужасная война. Там сражался мой прадедущка. Совсем еще мальчишкой...

— Ваш прадедущка?

— Так точно, милочка. Литтмус У. Блок. О, его биография — целая история.

Уинн-Дикси широко зевнул и со вздохом плюхнулся на бок. Могу поклясться, что он давно выучил, что озна-

чают слова «целая история». И знал, что в ближайшее время мы никуда отсюда не уйдем.

— Расскажите, мисс Фрэнни. Ну, пожалуйста, расскажите! — попросила я и устроилась на полу около Уинн-Дикси, скрестив ноги по-восточному. Я даже попыталась слегка его подвинуть, чтобы на меня тоже дуло из вентилятора, но пес притворился, будто спит. И с места не сдвинулся.

Тем не менее я чудно устроилась в ожидании замечательной истории, как вдруг хлопнула дверь и вошла Аманда Уилкинсон со своим кислым, скукоженным личиком. Уинн-Дикси сел и внимательно осмотрел пришлицу.

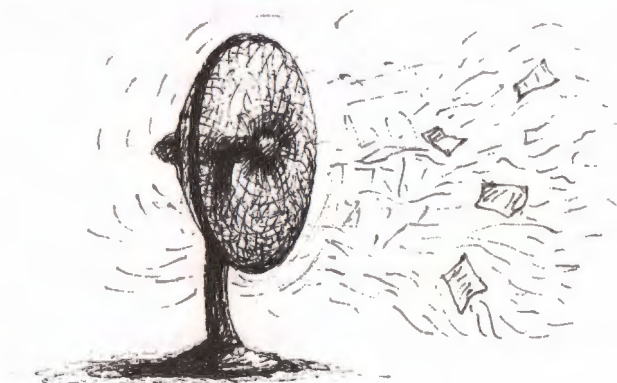
Попытался ей улыбнуться, но она и не подумала улыбнуться в ответ. Тогда Уинн-Дикси лег обратно.

— Я готова взять следующую, — заявила Аманда и бухнула прочитанную книгу на прилавок мисс Фрэнни Блок.

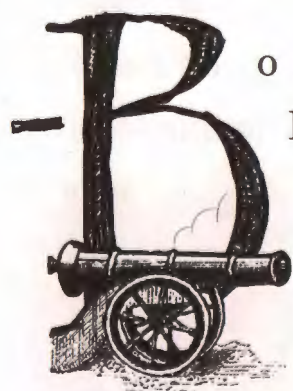
— А вы не согласитесь подождать? — спросила мисс Фрэнни. — Я как раз рассказываю Индии Опал историю о моем прадедушке. Вы, разумеется, тоже можете послушать. Это не займет много времени.

Аманда вздохнула — громко и нарочито — и уставилась куда-то мимо меня. Она делала вид, что просто ждет, а рассказ ей совсем не интересен. Но я-то знала, что это не так.

- Проходите, садитесь, — предложила мисс Фрэнни.
— Спасибо, я постою, — ответила Аманда.
— Как пожелаете. — Мисс Фрэнни пожала плечами. — Так
на чем я остановилась? Ах да... Литтмус. Литтмус У. Блок.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Во время обстрела форта Самтер Литтмус У. Блок был еще совсем мальчишкой, — начала свой рассказ мисс Фрэнни Блок.

— А что это за форт? — спросила я. —

И почему в него стреляли?

— С обстрела форта Самтер началась Гражданская война, — надменно пояснила Аманда.

— А-а, понятно. — Я пожала плечами.

— Итак, Литтмусу было четырнадцать лет. Он был крепким и рослым, но в душе — совсем ребенок. Его папа, Артли У. Блок, сразу записался в добровольцы,

и Литтмус сказал матери, что не может спокойно смотреть, как южане терпят поражение, что он должен, непременно должен пойти на войну. — Мисс Фрэнни оглядела библиотеку и добавила шепотом: — Они вечно хотят на войну, эти мальчишки. Что взрослые, что маленькие — не важно. Им лишь бы затеять войну. В том-то и печаль. Им почему-то кажется, что война — это

очень весело. И никакие уроки истории не идут им впрок... Короче, Литтмус тоже записался в добровольческую армию. Скрыл свой возраст. Да-да, милочка, наврал! Как я уже сказала, он был рослым, ему поверили и взяли в армию. И он пошел на войну. Оставил дома мать и трех сестер. Героем захотел стать... — Мисс Фрэнни прикрыла глаза и покачала головой. — Но очень скоро он узнал, что такое война на самом деле.

— И что же? — не выдержала я.

— Война — это ад. Сущая мерзость.

Мисс Фрэнни так и не открыла глаз.

— Мерзость — нехорошее слово, — заметила Аманда. — Почти ругательство.

Я украдкой взглянула на нее. Лицо ее от негодования сморщилось еще больше обычного.

— Слово «война», — произнесла мисс Фрэнни с закрытыми глазами, — и есть самое страшное слово. Хуже ругательства. — Она потрянула головой, открыла глаза и ткнула пальцем в меня, а потом в Аманду. — Вы, вы обе, даже не представляете, какой это ужас.

— Не представляем, — согласились мы одновременно. И от неожиданности посмотрели друг на друга. А потом снова — на мисс Фрэнни Блок.

— Даже не представляете. Литтмусу все время хотелось есть. Насекомые на нем так и кишели — и вши, и блохи! А зимой было так холодно, что он уже готовился к смерти. А летом... Нет ничего хуже, чем война в летнюю пору. Стоит такая вонь! Единственное, что отвлекало Литтмуса от постоянного зуда, что не давало ему умереть от голода, холода или жары, был страх умереть от пули. Ведь в него то и дело стреляли. И попадали. А он был всего лишь ребенком.

— Его убили? — спросила я.

— Упаси Господи! — Аманда выкатила глаза.

— Ну сама посуди, Опал, — сказала мисс Фрэнни. — Стояла бы я тут, в этой комнате, рассказывала бы тебе эту

историю, если б его убили? Да меня бы просто на свете не было. Нет, милочка. Мой прадед должен был выжить. Но он так переменялся. Стал совершенно другим человеком. Когда кончилась война, он вернулся домой. Пешком. Прошел весь путь пешком — из Вирджинии в Джорджию. Лошади у него не было. Тогда лошадей уже ни у кого не было, только у янки. Но он дошел. И увидел, что дома у него нет.

— А куда он делся? — спросила я. Ну и пускай Аманда считает меня тупицей! Сейчас главное — понять, что случилось с домом Литтмуса У. Блока.

— Сгорел! — закричала мисс Фрэнни Блок, да так, что все мы — и Уинн-Дикси, и Аманда, и я — подскочили до потолка. — Янки сожгли его дом. Дотла.

— А что случилось с сестрами? — спросила Аманда. Она зашла за стойку, тоже села на пол и посмотрела на мисс Фрэнни. — Он их нашел?

— Они умерли. От тифа.

— Господи... — тихонько охнула Аманда.

— А мама? — шепотом спросила я.

— Тоже умерла.

— А папа? — вспомнила Аманда. — Он-то спасся?

— Он погиб в бою.

— Значит, Литтмус остался сиротой? — уточнила я.

— Да, милочка, — кивнула мисс Фрэнни. — Литтмус остался круглым сиротой.

— Очень грустная история, — сказала я.

— Очень, — согласилась Аманда. И как это мы с ней вдруг нашли общий язык? Даже странно.

— Я еще не закончила, — сказала мисс Фрэнни.

Тут Уинн-Дикси начал храпеть, и я пихнула его ногой в бок, чтобы не мешал. Мне очень хотелось дослушать этот рассказ до конца. Мне было важно узнать, как выжил Литтмус, потеряв все, что когда-то любил.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Так вот Литтмус и вернулся домой с войны, — продолжала мисс Фрэнни, — и понял, что остался совсем один. Он сел на пепелище, там, где был когда-то порог его родного дома, и заплакал. Он плакал и плакал, вздохнул, как ребенок. Плакал по маме, по папе, по сестрам своим и по тому мальчику, каким был когда-то. А выплавав все слезы, он вдруг почувствовал что-то странное. Ему захотелось сладкого. Конфетку. Маленькую конфетку. Он не видел конфет уже многие годы. И тогда, прямо на этом месте, он принял решение. Да-да,

прямо сразу. Литтмус У. Блок решил, что в мире слишком много уродства, боли и горечи и что он приложит все силы, чтобы подсластить эту жизнь. Он встал и пошел. Прямоком во Флориду — пешком. И всю эту долгую дорогу он обдумывал свои планы.

— Какие планы? — спросила я.

— Как наладить производство конфет.

— Он построил фабрику?

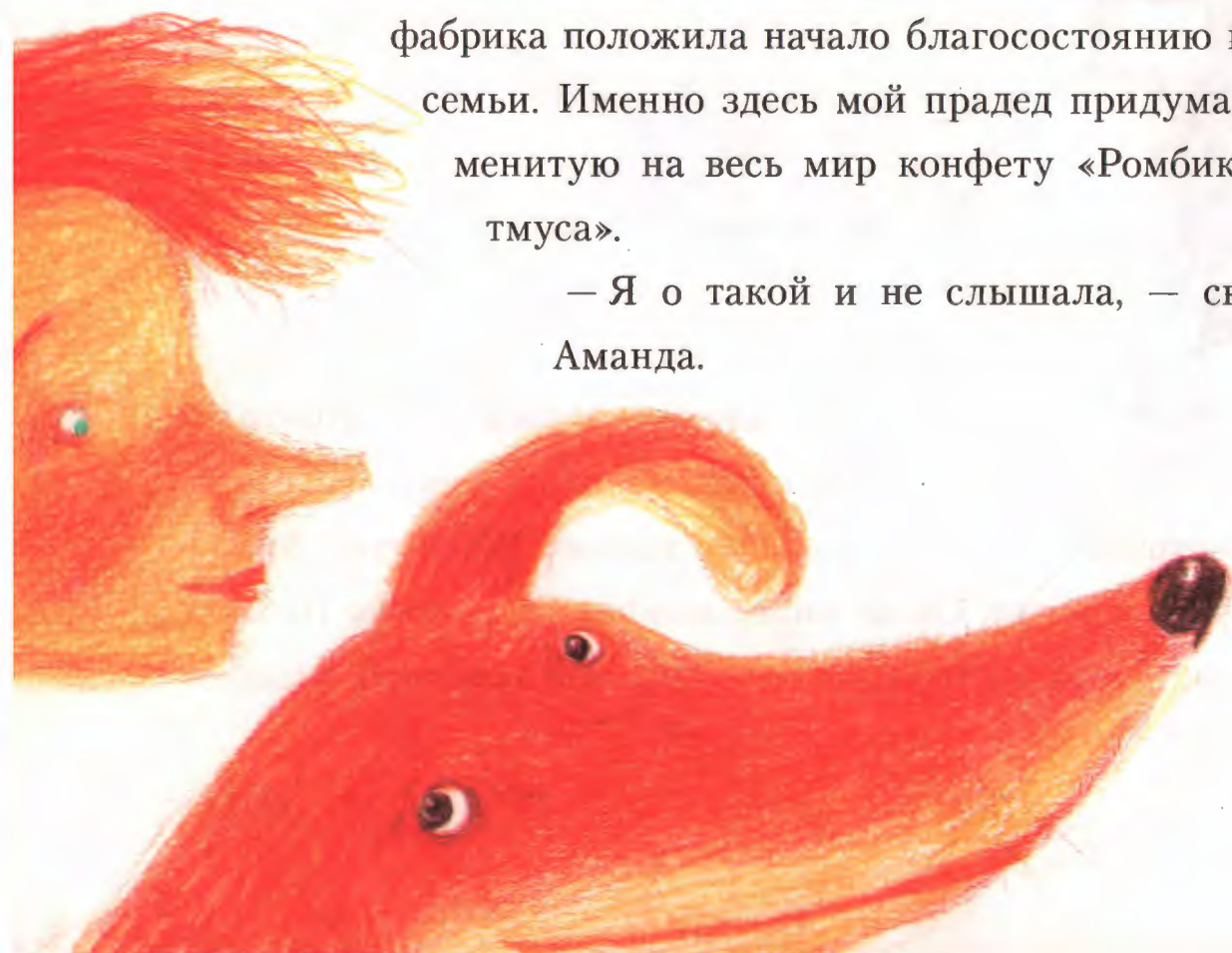
— Разумеется. Она до сих пор стоит на Фэйервил-Роуд.

— Это старое здание? Страшное такое? — удивилась Аманда.

— Вовсе не страшное, — возразила мисс Фрэнни. — Эта

фабрика положила начало благосостоянию нашей семьи. Именно здесь мой прадед придумал знаменитую на весь мир конфету «Ромбик Литтмуса».

— Я о такой и не слышала, — сказала Аманда.

— И я тоже, — сказала я.

— Немудрено, — ответила мисс Фрэнни. — Их давно уже не выпускают. Похоже, мир наелся «Ромбиками Литтмуса» до отвала и потерял аппетит. Но у меня осталось несколько штук.

Она выдвинула верхний ящик стола. Там было полно конфет. Выдвинула следующий. И там оказалось то же самое. Весь стол мисс Фрэнни Блок был забит конфетами снизу доверху.

— Ну как, желаете попробовать «Ромбик Литтмуса»? — спросила она у нас с Амандой.

— Да, спасибо, — ответила Аманда.

— Конечно! — подхватила я. — А Уинн-Дикси тоже можно конфетку?

— Хм... Мне как-то не встречались собаки, которые любят карамель, — заметила мисс Фрэнни. — Но пусть попробует, если захочет.

Мисс Фрэнни дала Аманде одну конфетку, а мне две. Сняв фантик, я протянула один ромбик Уинн-Дикси. Он оживился, сел, понюхал угощение, помахал хвостом и аккуратно взял конфету зубами прямо у меня из рук. Попытался было жевать, но у него не получилось, и тогда он попросту

заглотил ее — разом. Потом снова благодарно помахал хвостом и улегся обратно спать.

Я же ела мой ромбик медленно-медленно. И было очень вкусно. Похоже одновременно на темную шипучку, клубнику и еще на что-то, чему и имени-то нет, но на душе у меня щемило от этого вкуса. Я взглянула на Аманду. Она сосала свою конфету и о чем-то сосредоточенно думала.

— Нравится? — спросила меня мисс Фрэнни.

— Очень.

— А тебе, Аманда? Как тебе «Ромбик Литтмуса»?

— Очень вкусно. Но от этой конфеты мне сразу вспомнились разные беды и горести.

Интересно, как беды и горести могут быть у Аманды Уилкинсон? Она же в этом городе не чужачка. И мама с папой у нее имеются. Я сама видела их всех вместе в церкви.

— В этой конфете есть особая добавка, — призналась мисс Фрэнни.

— Я сразу поняла, — сказала я. — Почувствовала. А что там подмешано?

— Скорбь, — ответила мисс Фрэнни. — Ее распознает не всякий. Разумеется, детям часто и невдомек...

— Но я ее чувствую, — перебила я.

— И я тоже, — вставила Аманда.

— Это значит, что вам обоим в жизни пришлось несладко, — объяснила мисс Фрэнни. — Похоже, хлебнули горя.

— Мне пришлось уехать из Уотли, и там остались все мои друзья, — сказала я. — Это одно горе. А другое... Меня все время дразнят Данлеп и Стиви... Но самое мое большое горе, самое горькое, что мама бросила меня, когда я была еще совсем маленькой. И я ее почти не помню. Но я надеюсь, что мы когда-нибудь встретимся и я расскажу ей все-все, кучу всяких историй.

— Ой, — вдруг сказала Аманда, — я сейчас вспомню о Карсоне. — Казалось, она вот-вот заплачет. — Мне пора. — И она вышла, нет, почти выбежала из Мемориальной библиотеки имени Хермана У. Блока.

— Кто такой Карсон? — спросила я у мисс Фрэнни.

Она покачала головой.

— Это ее печаль. Скорби и печали в этом мире достаточно.

— Но как их засунули в конфету? — не унималась я. — Отчего получился такой вкус?

— Это секрет. На нем-то Литтмус и сколотил целое состояние. Ему удалось сделать конфету, которая была сладкая и горькая одновременно.

— А можно мне еще одну? Я отнесу моей подруге, Глории Свалк. А еще, если можно, для Отиса, он работает в «Питомцах Гертруды». А для пастора можно? И для Плюшки-пампушки?

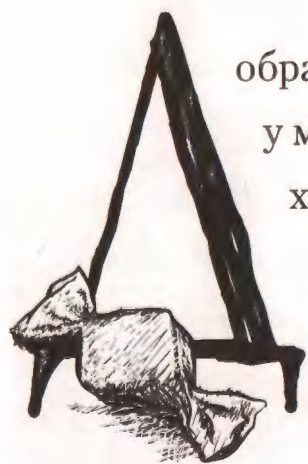
— Возьми сколько хочешь, — ответила мисс Фрэнни.

Я набила карманы «Ромбиками Литтмуса», поблагодарила мисс Фрэнни за рассказ, взяла в библиотеке «Унесенные ветром» (довольно увесистая оказалась книга), позвала Уинн-Дикси, села на велосипед, и мы отправились напрямиком к Глории Свалк. Мимо дома братьев Дьюбери. Данлеп и Стиви как раз играли перед домом в футбол, и я уже приготовилась показать им язык, но вдруг вспомнила, как мисс Фрэнни говорила про войну... что это сущий ад... и как Глория Свалк говорила, чтоб я не судила этих мальчишек строго... И я просто помахала им рукой. Они остановились и посмотрели мне вслед, а когда я отъехала уже довольно далеко и обернулась, Данлеп помахал мне в ответ.

— Эй! — крикнул он. — Эгей, Опал!

Я помахала еще раз, посильнее. И подумала об Аманде Уилкинсон. Как же здорово, что ей тоже нравится слушать разные рассказы... Интересно все-таки, кто такой Карсон?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

обравшись до Глории Свалк, я тут же сообщила, что у меня для нее два сюрприза, и спросила, какой она хочет получить раньше, маленький или большой.

— Маленький, — ответила Глория.

Я вручила ей «Ромбик Литтмуса», и она принялась ощупывать его, пытаясь понять, что это такое.

— Конфета? — догадалась она.

— Точно! Конфета. Называется «Ромбик Литтмуса».

— О господи! Да я же помню эти конфеты! Их любил мой папа. — Она развернула фантик и положила конфету в рот.

— Ну как? Нравится? — спросила я.

— М-м-м-м... — Она снова кивнула, уже помедленнее. — Сладкая. Но вкус такой, будто... прощаешься с кем-то...

— Вкус печали? — уточнила я. — Вы тоже чувствуете вкус скорби и печали?

— Да-да, верно. Такая сладостная печаль... Ну, теперь давай второй сюрприз. Что еще припасла?

— Книгу.

— Книгу?

— Ага. Я буду читать ее для вас вслух. Называется «Унесенные ветром». Мисс Фрэнни говорит, что это замечательная книга. Про Гражданскую войну. Вы слышали про Гражданскую войну?

— Да, кажется, что-то слышала. Пару раз. — Глория сосредоточенно сосала «Ромбик Литтмуса».

— Книга толстенная, так что читать мы ее будем очень долго, — предупредила я. — В ней тысяча тридцать семь страниц.

— Ого! — Глория откинулась в кресле и сложила руки на животе. — Тогда пора начинать.

И я стала читать Глории Свалк первую главу «Унесенных ветром». Читала громко — чтобы хорошенько распугать всех

призраков, которые ее преследуют. Глория внимательно слушала. А когда я закончила, она сказала, что лучше сюрпризов она еще в жизни не получала и она теперь ждет не дождется, чтоб мы почитали вторую главу.

В тот вечер я отдала «Ромбик Литтмуса» и пастору, как раз когда он пришел поцеловать меня и сказать спокойной ночи.

— Что это? — спросил он.

— Конфета. Ее придумал прадед мисс Фрэнни Блок. Называется «Ромбик Литтмуса».

Пастор развернул фантик и положил конфету в рот. А потом, минутой спустя, принялся потирать переносицу и как-то странно подергивать головой.

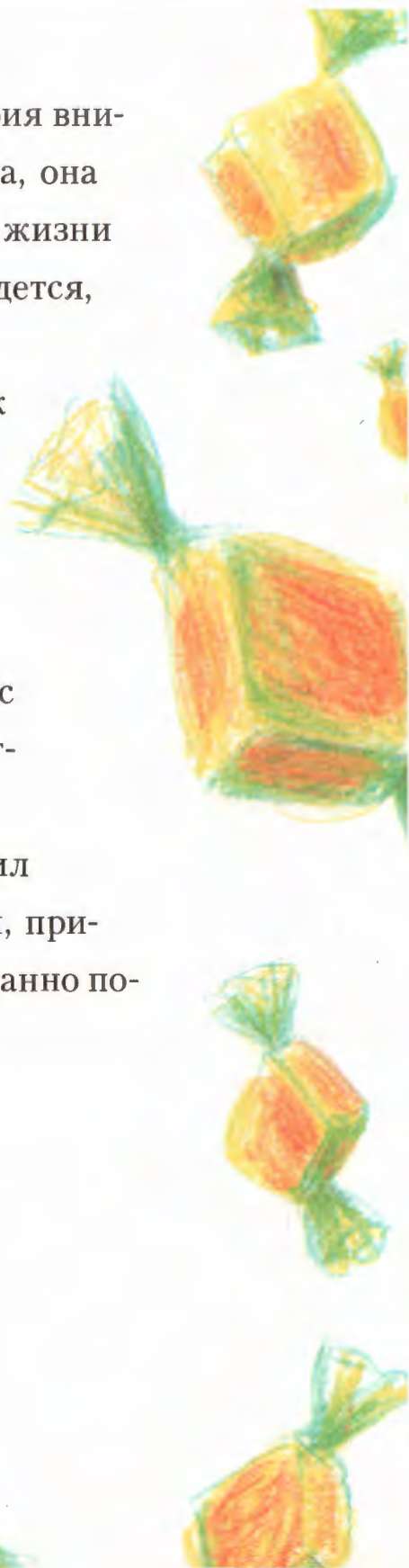
— Вкусно? — спросила я.

— Вкус очень странный...

— На шипучку похож?

— Нет, на что-то еще...

— На клубнику?

— На клубнику тоже, но основной вкус... другой... странный...

Пастор был рядом, но одновременно где-то далеко. Он удалялся все дальше и дальше. Вот уже сгорбился, опустил подбородок — того и гляди, втянет голову в панцирь.

— Пожалуй, это вкус... меланхолии...

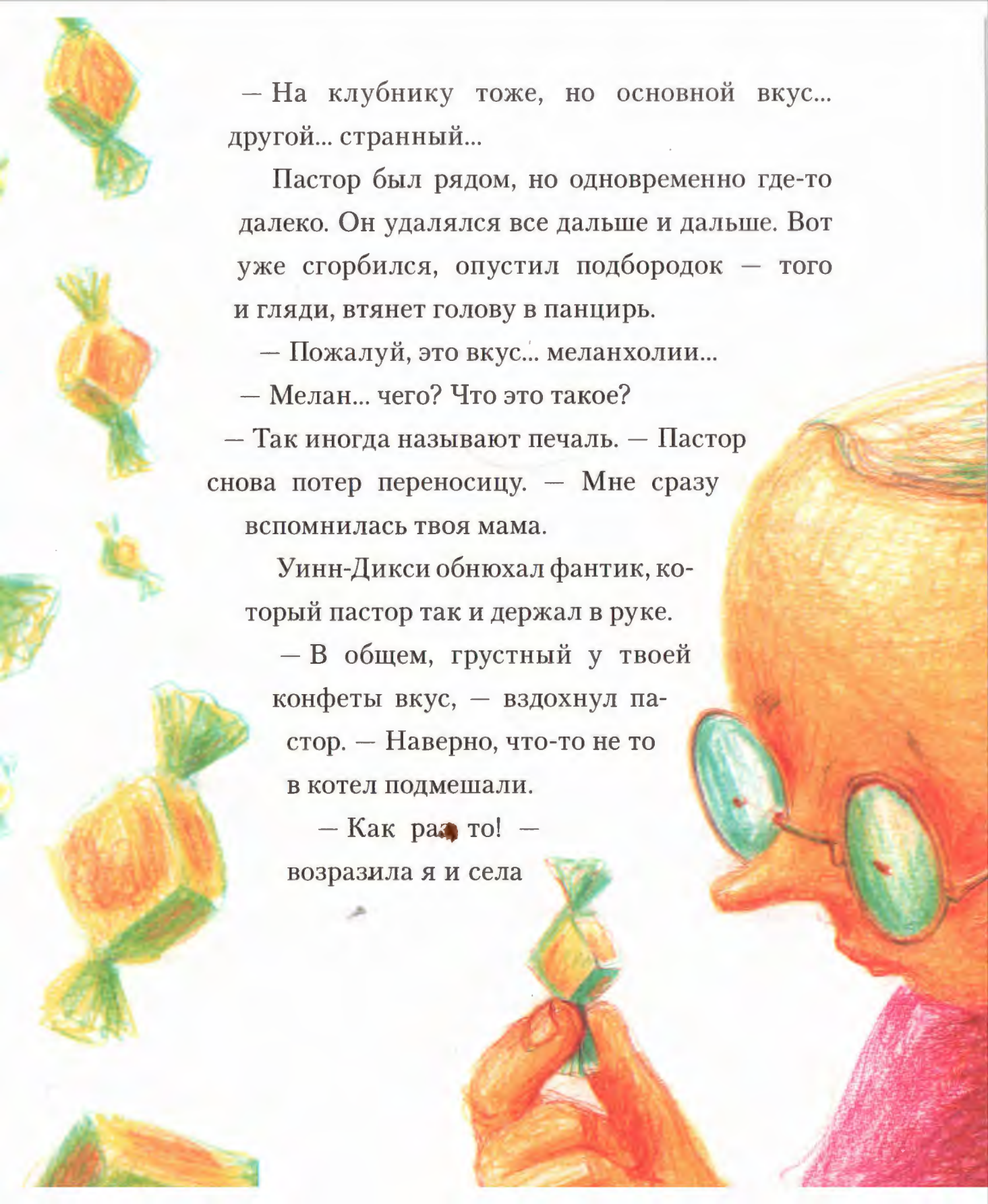
— Мелан... чего? Что это такое?

— Так иногда называют печаль. — Пастор снова потер переносицу. — Мне сразу вспомнилась твоя мама.

Уинн-Дикси обнюхал фантик, который пастор так и держал в руке.

— В общем, грустный у твоей конфеты вкус, — вздохнул пастор. — Наверно, что-то не то в котел подмешали.

— Как раз то! — возразила я и села

на кровати. — Такой вкус и был задуман. Литтмус вернулся с войны, а вся его семья умерла. Его папа погиб в бою. Его мама и сестры заболели и умерли. А янки сожгли его дом дотла. И Литтмус очень горевал, очень-очень, и больше всего на свете ему хотелось заесть эту горечь чем-то сладким. И тогда он построил конфетную фабрику и стал делать «Ромбики Литтмуса». И в этой конфете отразилась вся его печаль.

— Господи! — выдохнул пастор. — Ну и история.

Тем временем Уинн-Дикси вытащил фантик из руки пастора и принялся жевать.

— Отдай! — велела я. Но Уинн-Дикси и не думал слушаться. Пришлось вытаскивать фантик прямо у него из пасти. — Не смей есть конфетные обертки! Нельзя! — приговаривала я.

Пастор откашлялся. Я думала, что он произнесет сейчас что-то важное, может, даже расскажет еще что-нибудь о маме, но вместо этого он сказал:

— Опал, на днях я разговаривал с миссис Дьюбери. И узнал, что ты обозвала Стиви лысым сосунком.

— Обозвала, — подтвердила я. — Но он все время говорит, что Глория Свалк — ведьма, а Отиса называет умственно от-

сталым. А однажды он сказал, что его мама сказала, что мне нельзя проводить все дни со старухами. Вот.

— Думаю, тебе следует извиниться, — сказал пастор.

— Мне? Перед ним?!

— Да, — кивнул пастор, — тебе. Ты скажешь Стиви, что сожалеешь, если твои слова его огорчили или обидели. Я уверен, что на самом деле он хочет с тобой подружиться.

— Вот уж нет. Он со мной дружить совсем не хочет.

— У некоторых людей попытки подружиться бывают немного неуклюжи, — сказал пастор. — Ты извинись, и посмотрим, что получится.

— Ладно, — согласилась я. И вдруг вспомнила, что мне надо спросить у него о Карсоне. — Папа, а ты знаешь что-нибудь об Аманде Уилкинсон?

— Что именно?

— Про нее и человека по имени Карсон.

— Карсоном звали ее брата. Он утонул в прошлом году.

— Он умер?

— Да. И семья еще не вполне оправилась от этой утраты.

— Сколько ему было лет?

— Пять. Ему было всего пять лет.

— Папа, почему же ты никогда мне об этом не рассказывал?

— Человеческие трагедии — не предмет для праздной болтовни. У меня не было никаких причин рассказывать тебе об их горе.

— Но мне очень важно об этом знать. Потому что теперь я буду что-то понимать про Аманду. Теперь понятно, почему лицо у нее такое... кривое, — тихонько закончила я.

— Какое лицо?

— Не важно.

— Спокойной ночи, Индия Опал, — сказал пастор. Он наклонился, поцеловал меня, и от него пахло шипучкой, клубникой и печалью. Всем вперемешку. Потрепав Уинн-Дикси по загривку, папа встал, погасил свет и закрыл за собой дверь.

А я еще долго не засыпала. Лежала и думала, что жизнь похожа на «Ромбик Литтмуса», в ней тоже есть разом и сладость и горечь, и отделить их друг от друга совершенно невозможно. Странно все-таки...

— Папа! — крикнула я.

Мгновение спустя он уже стоял на пороге моей комнаты, удивленно вздернув брови.

— Какое слово ты сказал? Которое говорят вместо слова «печаль»?

— Меланхолия.

— Меланхолия, — повторила я. Мне понравилось сочетание звуков, словно внутри слова таилась музыка.

— А теперь спокойной ночи, — сказал пастор.

— Спокойной ночи.

Я выбралась из кровати и развернула еще один «Ромбик Литтмуса». Я сосала его долго-долго и все думала о том, как меня бросила мама. И на душе у меня была... меланхолия. Потом я думала про Аманду с Карсоном. И от этого тоже была меланхолия. Бедная Аманда. Бедный Карсон. Такой же маленький, как Плюшка-пампушка. Но он больше не будет отмечать день рождения.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Утром мы с Уинн-Дикси отправились подметать полы к «Питомцам Гертруды», и я захватила с собой «Ромбик Литтмуса» для Отиса.

— А что, сегодня праздник какой-то? — удивился он.

— Нет. Почему вы так решили?

— Ну, ты же принесла мне конфету?

— Просто так. В подарок. А день самый обычный.

— Ну ладно. — Отис снял обертку и сунул конфету в рот. И вдруг по его щекам покатились слезы. — Спасибо.

— Вам понравилось?

Он кивнул.

— Очень вкусная конфета. Но только... как будто снова в тюрьме сидишь.

— Гертруда! — заорала попугайха и уцепила клювом фантик от «Ромбика Литтмуса». Потом бросила его на пол и снова заверещала: — Гертруда!

— Тебе не положено, — сказала я твердо. — Птицы конфет не едят.

А потом быстро — чтобы не растерять всю решимость — выпалила:

— Отис, а за что вы сидели в тюрьме? Вы убийца?

— Нет, мэм.

— Вы грабитель?

— Нет, мэм. — Отис сосал конфету и смотрел на острые носки своих сапог.

— Ладно, можете не рассказывать... Но просто интересно.

— Я не опасен, — произнес Отис. — Тебе нечего бояться. Я одинокий, но не опасный.

— Понятно, — кивнула я и пошла в чулан за шваброй. А когда вернулась, Отис стоял на том же месте и по-прежнему смотрел в пол.

— Во всем виновата музыка, — сказал он.

— В чем она виновата?

— В том, что я угодил в тюрьму. Из-за музыки.

— И как же это случилось?

— Я все дни напролет играл на гитаре. Иногда играл на улице, и люди бросали мне деньги. Играл-то я не ради денег. Просто музыка становится лучше, если ее кто-то слушает. Но однажды приехала полиция. И мне велели больше не играть. Они объясняли мне, что я нарушаю закон, а я все играл. Ни на минуту не перестал. Ну они и рассвирепели. Хотели наручники на меня надеть. — Он вздохнул. — Мне это не понравилось. С этими наручниками на гитаре уже не поиграешь.

— И что было дальше?

— Я ударил, — прошептал Отис.

— Вы побили полицейских?

— Ударил. Одного. Сбил с ног. И меня посадили в тюрьму. Посадили за решетку и отобрали гитару. А когда в конце концов отпустили, с меня взяли слово, что я больше никогда не буду играть на улице. — Он метнул на меня быстрый взгляд и снова уставился в пол. — Ну, вот я на улице и не играю. Только здесь. Для зверюшек. Гертруда — не пугаиха, а хозяйка магазина — сама предложила мне эту

работу, когда прочитала обо мне в газете. Она сказала, что я могу играть здесь сколько душе угодно. Только для зверей.

— Вы и для меня играете. И для Уинн-Дикси. И для Плюшки-пампушки.

— Верно. Но вы же не на улице.

— Спасибо, Отис, — сказала я. — Хорошо, что вы мне все рассказали.

— Да что там... это не секрет.

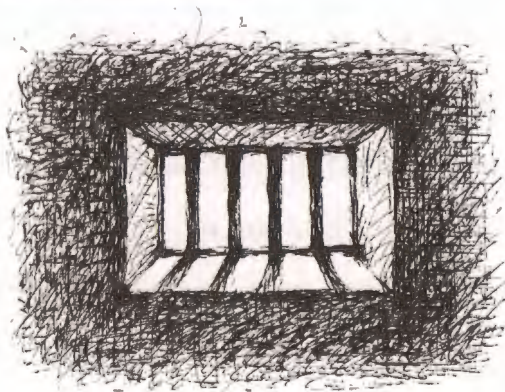
Тут пришла Плюшка-пампушка, и я ей тоже дала «Ромбик Литтмуса». Только она его сразу выплюнула и сказала, что ей невкусно.

— Такой вкус, будто у меня никогда не будет собачки.

В тот день я подметала медленно-медленно. Мне хотелось подольше побыть с Отисом. Чтобы ему не было одиноко.

Похоже, все люди на белом свете одиноки. Я вспомнила о маме. Я то и дело вспоминаю о ней... как будто залезаю кончиком языка в дырочку от только что вырванного зуба. Раз за разом мои мысли возвращаются к пустоте, которую может заполнить только мама.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Когда я рассказала Глории Свалк об Отисе — о том, за что его арестовали, — она начала хохотать, да так, что мне пришлось придерживать ее вставную челюсть, чтоб не выпала ненароком.

Посмеявшись вдоволь, она, наконец, вымолвила:

— Ну и ну... Вот тебе и опасный преступник!

— Он просто очень одинокий. И хочет не сам себе играть, а чтоб его кто-нибудь слушал.

Глория вытерла глаза подолом своего платья.

— Я все понимаю, дорогуша, все понимаю. Просто иногда жизнь до того печальна, что становится смешной.

— А знаете, что я еще узнала? — Мне разом вспомнились все печали, о которых я слышала за последние дни. — Помните, я рассказывала про девочку с кислым лицом? Про Аманду? Так вот, у нее в прошлом году братик утонул. Ему было всего пять лет. Как Плюшке-пампушке Томас.

Глория больше не улыбалась.

— Я слышала об этом, — кивнула она. — Слышала, что в городке утонул мальчик.

— Вот поэтому у Аманды такое лицо. Она горюет по брату.

— Очень возможно, — согласилась Глория.

— Выходит, каждый человек по кому-то горюет или скучает? Как я по маме?

— Хм... — Глория задумалась. Прикрыла глаза. — Мне иногда кажется, что у всего мира щемит сердце, — произнесла она, помолчав.

Я больше не могла думать обо всех этих бедах и горестях. Ведь им уже не поможешь. Поэтому я предложила:

— Хотите еще послушать «Унесенные ветром»?

— Конечно, — встрепенулась Глория. — Я целый день только того и жду. Интересно же узнать, что еще затеяла мисс Скарлетт.

Я раскрыла книгу и начала читать, но меня все мучили мысли об Отисе. Как же так? Почему ему запрещают играть на гитаре для людей? А в книге Скарлетт собиралась на пикник, где должна была быть музыка и еда. И тут мне пришла в голову одна мысль.

— Нам тоже надо так сделать, — сказала я и захлопнула книгу. Уинн-Дикси, дремавший под креслом Глории Свалк, тут же встрепенулся и начал озиаться.

— Что сделать? — не поняла Глория.

— Позвать гостей. Мы позовем кучу гостей! И мисс Фрэнни Блок, и пастора, и Отиса, и Отис поиграет нам на гитаре. Мы и Плюшку-пампушку позовем. Она любит музыку слушать.

— А «мы» — это кто? — спросила Глория.

— Мы — это мы с вами. Приготовим какую-нибудь еду и пригласим гостей сюда, в сад.

— Хм... — Глория Свалк задумалась.

— Можно сделать бутерброды с арахисовым маслом и нарезать их такими маленькими треугольничками, чтобы выглядели красивее.

— Господи! Ну что ты говоришь? Думаешь, весь мир любит арахисовое масло, как мы с тобой и как эта собака?

— Ну, ладно. Можно сделать яичный салат и намазать его на бутерброды. Взрослым такое нравится.

— Ты умеешь делать яичный салат?

— Нет, мэм. У меня нет мамы, и таким вещам меня учить некому. Но вы-то наверняка знаете, как его делают. Вот я и научусь. Ну, пожалуйста.

— Что ж... — сказала Глория Свалк. Она положила ладонь на голову Уинн-Дикси. И улыбнулась. Я поняла, что она отвечает мне «да».

— Спасибо! — Я вскочила и бросилась ее обнимать. Очень крепко. Уинн-Дикси завилял хвостом и попытался протиснуться между нами. Он терпеть не мог оставаться в стороне, когда происходило что-то важное.

— У нас будет самый лучший пикник на свете, — сказала я Глории.

— Но ты должна дать мне слово, — предупредила Глория.

— Какое? Я любое слово дам!

— Ты пригласишь мальчишек Дьюбери.

— Данлепа и Стиви?

— Угу... И если ты этого не сделаешь, гости отменяются.

— Значит, это обязательно?

— Да, — твердо сказала Глория. — Обещай мне.

— Обещаю... — Вообще-то это условие мне совсем не нравилось. Но я дала обещание. Теперь никуда не деться.

И я начала звать гостей, не откладывая дела в долгий ящик. Сначала я пригласила пастора.

— Папа... — начала я.

— Что, Опал?

— Папа, мы с Уинн-Дикси и с Глорией Свалк решили позвать гостей.

— Что ж, — сказал пастор. — Дело хорошее. Желаю повеселиться.

— Папа, я тебе об этом рассказываю, потому что ты тоже приглашен.

— Вот как? — Пастор потер переносицу. — Понятно.

— Ты сможешь?

Он вздохнул.

— Почему бы нет? Не вижу причин отказываться.

Мисс Фрэнни Блок наша идея пришла по душе сразу.

— В гости! — воскликнула она и захлопала в ладоши.

— Да, мэм. Это будет вроде барбекю в «Двенадцати дубах» из книги «Унесенные ветром». Только народу по-

меньше. И приготовим мы не мясо, а бутерброды с яичным салатом.

— Чудесно! — просияла мисс Фрэнни. А потом она кивнула на задние стеллажи библиотеки и, понизив голос, сказала: — Может, тебе и Аманду стоит пригласить?

— Она, наверно, не захочет, — возразила я. — Она ведь меня не очень-то любит.

— А ты пригласи, и посмотрим, что получится, — прошептала мисс Фрэнни.

Я прошла к задним стеллажам и самым-пресамым учтивым тоном, на какой только была способна, пригласила Аманду в гости. Она беспокойно оглянулась.

— В гости?

— Да. Я буду весьма польщена, если ты сможешь прийти.

Она воззрилась на меня, изумленно открыв рот.

— Ладно. То есть спасибо. Да. Я с удовольствием.

Ну и, наконец, надо было выполнять данное Глории обещание. И я пошла приглашать мальчишек Дьюбери.

— Я не собираюсь идти на сборище в ведьмин дом, — заявил Стиви.

Данлеп толкнул его локтем.

— Мы придем, — сказал он.

— Нет, не придем, — возразил Стиви. — Ведьма может нас живьем сварить. Бросит в старый колдовской котел — и дело с концом.

— Мне все равно, придете вы или нет. Просто я обещала вас пригласить, вот и приглашаю.

— Мы придем, обязательно, — сказал Данлеп. А потом кивнул мне и улыбнулся.

Плюшка-пампушка, когда я ее пригласила, страшно воодушевилась.

— А в каком цвете надо приходить? — спросила она.

— В любом.

— Ну что ты! Надо обязательно придумать для всех цвет. — Она сунула было палец в рот, но тут же снова вынула. — Или особую тему. Гостей иначе не зовут. А эта собачка там тоже будет? — Она крепко обняла Уинн-Дикси. Прямо стиснула совсем, так что у него, бедного, чуть глаза на лоб не вылезли.

— Уинн-Дикси? Конечно будет.

— Хорошо. А такую тему и можно объявить. Пусть у каждого гостя будут собачки.

— Мы подумаем, — пообещала я.

Последним я пригласила Отиса. Все ему рассказала про наше сборище и добавила, что он приглашен.

— Нет, спасибо, — коротко ответил он.

— Но почему?

— Не люблю по гостям ходить, — сказал Отис.

— Ну пожалуйста! Какие же это гости, если вас не будет?

Я стану целую неделю подметать, убирать и вытирать пыль в магазине, бесплатно. Только приходите!

— Целую лишнюю неделю отработаешь? — Отис поднял глаза.

— Да, сэр.

— Но ведь я не обязан там ни с кем разговаривать?

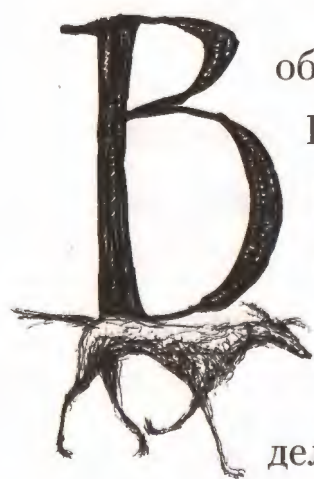
— Совершенно не обязаны. Только принесите гитару. Может быть, вы нам поиграете, если захотите.

— Может быть, — отозвался Отис. Пытаясь скрыть радостную улыбку, он быстро перевел взгляд вниз, на загнутые мыски своих сапог.

— Спасибо, — сказала я. — Спасибо, что согласились к нам прийти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В общем, самым трудным оказалось уговорить Отиса. В сравнении с этим остальная подготовка к празднику показалась мне сущей пустяковиной. Мы с Глорией делали все весело, играючи. Время назначили вечернее, чтобы было попрохладнее. Накануне мы провели целый день на кухне у Глории — делали бутерброды с яичным салатом. Хлеб нарезали треугольничками, корки срезали вовсе, сверху положили салат и повтыкали в эти сооружения зубочисток с пушистыми венчиками. Уинн-Дикси тоже сидел на кухне, не сводя с нас глаз. И помахивал хвостом.

— Этот пес уверен, что бутерброды мы готовим для него, — сказала Глория Свалк.

Уинн-Дикси просиял, обнажив оба ряда зубов.

— Нет, не тебе, — сказала ему Глория.

Но как только ей показалось, что я не смотрю в их сторону, она скормила псу целый бутерброд. Конечно, без зубочистки.

Еще мы сделали пунш. Смешали в большой миске апельсиновый сок, грейпфрутовый сок и минералку. Глория сказала, что этот напиток называется Свалк-пунш и что он прославил ее на всю округу. Я, правда, о таком раньше не слышала.

Ну а напоследок мы украсили двор и сад. Я понавешала на деревья гирлянд из розовой, оранжевой и желтой гофрированной бумаги. Еще мы насыпали песка в бумажные пакеты, воткнули в каждый по свечке и расставили там и сям. Незадолго до прихода гостей я обошла все пакеты и зажгла свечки. И сад Глории Свалк тут же превратился в волшебную сказку.

— Гмм-хмм. — Глория огляделась. — Даже с таким отвратительным зрением, как у меня, можно понять, что все выглядит неплохо.

На самом деле было очень красиво. Так красиво, что сердце у меня как-то странно раздулось, разбухло, и мне захотелось узнать, где сейчас моя мама, чтобы позвать ее на наш праздник.

Первой появилась мисс Фрэнни Блок. В чудесном зеленом платье, которое переливалось и шуршало. И на высоченных каблуках, которые заставляли ее сильно покачиваться при ходьбе. Даже стоя на месте, она все равно чуть покачивалась, точно на палубе корабля. Она принесла широкую стеклянную вазу с «Ромбиками Литтмуса».

— Это на сладкое, — сказала она, отдавая мне вазу.

— Спасибо.

Я поставила конфеты рядом с салатными бутербродами и пуншем. Потом я познакомила Глорию и мисс Фрэнни, они пожали друг другу руки и стали обмениваться всякими вежливостями.

А потом пришла Плюшка-пампушка. Ее привела мама. В руках у Плюшки была куча картинок со всевозможными собаками — она вырезала их из журналов.

— Раз у тебя тема «собачки», — сказала она, — я принесла вот это. Можно повесить на деревья и на все тут. Я и клейкую ленту тоже принесла.

И она принялась лепить картинки на все, что попадется: на стволы деревьев, стулья и даже на стол.

— У нее только и разговору целый день, что о вашей вечеринке, — сказала Плюшкина мама. — Вы уж отвезите ее домой, когда закончите, ладно?

Я пообещала. А потом представила Плюшку-пампушку Глории и мисс Фрэнни. И тут как раз пришел пастор. В пиджаке и галстуке. Ужасно серьезный. Он пожал руку сначала Глории Свалк, а потом мисс Фрэнни Блок и сказал, что он очень рад со всеми познакомиться, что он весьма и весьма наслышан о них обоих — причем отзывы только хорошие.

Он погладил Плюшку-пампушку по голове и сказал, что рад видеть ее вне церковных стен. И все это время Уинн-Дикси стоял в гуще гостей и отчаянно вилял хвостом — я даже испугалась за мисс Фрэнни, ведь она и так едва держалась на шатких каблуках.

Потом пришла Аманда Уилкинсон. Она завела свои светлые волосы, держалась робко и вообще казалась не такой противной,

как всегда. Я подошла к ней совсем близко и познакомила ее с Глорией Свалк. Я вдруг — с удивлением — поняла, что очень рада видеть Аманду. Мне хотелось сказать ей, что я знаю, кто такой Карсон и что с ним случилось. И еще — что я тоже теряла людей и знаю, каково это... Но я ничего не сказала. Просто старалась быть к ней добрее.

Мы стояли все вместе и улыбались друг другу, и всем отчего-то было неловко, как вдруг донесся скрипучий голос:

— Гертруда — хорошая птичка.

Уинн-Дикси взметнул уши торчком, разок гавкнул и огляделся. Я тоже начала озираться, но не увидела ни Гертруды, ни Отиса.

— Я сейчас вернусь, — быстро сказала я, и мы с Уинн-Дикси побежали к калитке. Там действительно стоял Отис — с гитарой на спине и с Гертурой на плече. А в руках он держал огромную банку с маринованными огурцами, я такой огромной в жизни никогда не видела.

— Отис, пойдите за дом, — позвала я. — Там уже все собрались.

— Да, конечно, — сказал он, но не двинулся с места. Так и стоял, прижимая к себе банку с огурцами.

— Собака! — заверещала Гертруда и, слетев с плеча Отиса, приземлилась на голову Уинн-Дикси.

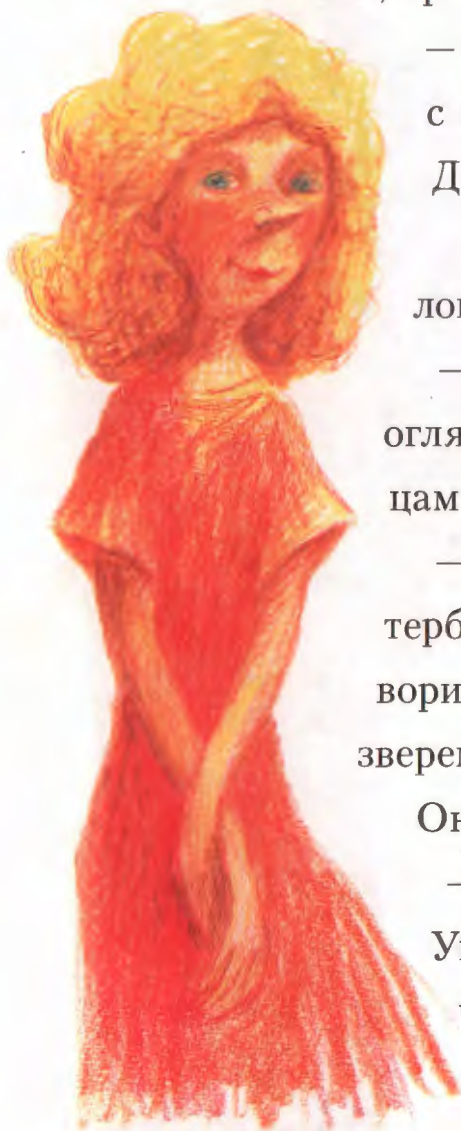
— Вы не бойтесь, там всего несколько человек, — успокоила я Отиса. — Все свои.

— Да, конечно, — повторил он. И потерянно огляделся. Потом взгляд его упал на банку с огурцами. — Я вот огурцы принес.

— Вижу. Они нам как раз кстати. Будем есть бутерброды с салатом и заедать огурчиками. — Я говорила с ним тихонько и очень мягко, как с диким зверем, которого надо приучить брать еду с руки.

Он сделал шаг вперед.

— Пойдете же, — позвала я и пошла. За мной — Уинн-Дикси. А потом я оглянулась и увидела, что Отис тоже идет за нами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Отис прошел за мной весь путь — за дом и в глубь сада, где ждали остальные гости. И я, пока он не передумал и не дал деру, поспешила познакомиться его с пастором.

— Папа, — сказала я, — это Отис. Он управляющий в зоомагазине, в «Питомцах Гертруды». А еще он здорово играет на гитаре. Помнишь, я рассказывала?

— Здравствуйте, — произнес пастор и протянул Отису руку. А Отис стоял со своими огурцами и все пытался как-то пристроить банку, чтобы высвободить руку и протя-

нуть ее пастору. В конце концов он нагнулся и поставил банку на землю. Но в этот момент гитара соскользнула вперед по его спине и ткнулась ему в макушку с жалостным струнным стоном. Плюшка-пампушка стала смеяться и тыкать в Отиса пальцем, словно он все это сделал нарочно, чтобы ее позабавить.

— Фу-ты ну-ты! — сказал Отис. Он выпрямился, снял с плеча гитару и положил на землю рядом с банкой. Потом вытер руку об штаны и протянул ее пастору. А пастор не просто пожал ее, а сказал:

— Очень рад знакомству.

— Спасибо, — сказал Отис и добавил: — Я тут огурчиков принес.

— Я уж вижу, — сказал пастор.

Когда они покончили с рукопожатиями, я представила Отиса мисс Фрэнни Блок и Аманде.

А потом — Глории Свалк. Глория тоже пожала ему руку и улыбнулась. А Отис посмотрел ей прямо в глаза и улыбнулся в ответ. Широко-широко.

— Я принес огурчиков. К вашему столу, — сказал он Глории.

— Я очень рада, — ответила она. — Какое же застолье без огурцов?

Отис посмотрел на свою огромную банку. И покраснел.

— Опал, когда должны прийти эти мальчики? — спросила Глория.

— Не знаю. Я им говорила, во сколько мы все собираемся.

Я пожала плечами. И решила не уточнять, что, возможно, они и вовсе не придут, потому что побоятся идти в дом к ведьме.

— Что ж, — сказала Глория. — У нас имеются бутерброды с яичным салатом. И Свалк-пунш. И маринованные огурчики. И картинки с собаками. И «Ромбики Литтмуса». И среди нас есть пастор, который может благословить нашу трапезу.

Глория Свалк посмотрела на пастора.

Он кивнул в ответ и откашлялся.

— Господь, любимый наш. Благодарим Тебя за теплые летние вечера, за свет свечи и за добрую пищу. Но самое большое спа-

сибо Тебе за друзей наших. Мы ценим тот сложный и удивительный мир, которым Ты наделил каждого из нас, подарив нам друг друга. Мы помним о Твоем завете любить ближних и стараемся любить их очень сильно — как Ты любишь нас. Мы возносим молитву во славу Твою. Аминь.

— Аминь, — повторила Глория Свалк.

— Аминь, — прошептала я.

— Гертруда! — выкрикнула Гертруда.

— А мы сейчас будем есть? — спросила Плюшка-пампушка.

— Ш-ш-ш, — одернула ее Аманда.

А Уинн-Дикси чихнул.

И тут вдали прогремел гром. Так далеко и невнятно — я даже сначала решила, что это у Уинн-Дикси в животе бурчит.

— Вообще-то дождя не обещали, — заметила Глория Свалк. — Я слушала прогноз.

— А у меня платье шелковое, — всполошилась мисс Фрэнни. — Его нельзя мочить.

— Может, лучше пойти в дом? — предложила Аманда.

Пастор взглянул на небо.

И тут начался ливень.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

пасай бутерброды! — крикнула мне Глория Свалк.

— Ой! Мои картинкиссобачками! — Плюшка-пампушка принялась срывать картинки с деревьев и стульев. — Не волнуйтесь! Сейчас все соберу!

Я схватила блюдо с бутербродами, пастор схватил миску с пуншем, и мы побежали на кухню.

Выскочив обратно на улицу, я увидела, что Аманда ведет к дому мисс Фрэнни Блок. Без помощи Аманды старушка не прошла бы и шагу — так шатало ее на этих высоченных каблуках под порывами дождя и ветра.

Я взяла под руку Глорию Свалк.

— Ничего, я дойду, — сказала она, но за меня уцепилась крепко и выпускать не думала.

Прежде чем вернуться в дом, я еще раз оглядела сад. Гофрированная бумага промокла и расползлась, свечи погасли и — тут я увидела Отиса. Он просто стоял рядом со своей банкой с маринованными огурцами и смотрел в землю.

— Отис! — заорала я, перекрикивая шум ливня. — Пошли! Мы все идем в дом.

Когда мы дошли до кухни, мисс Фрэнни с Амандой уже весело хихикали и отряхивались по-собачьи.

— Ничего себе ливень! — сказала мисс Фрэнни. — И так неожиданно.

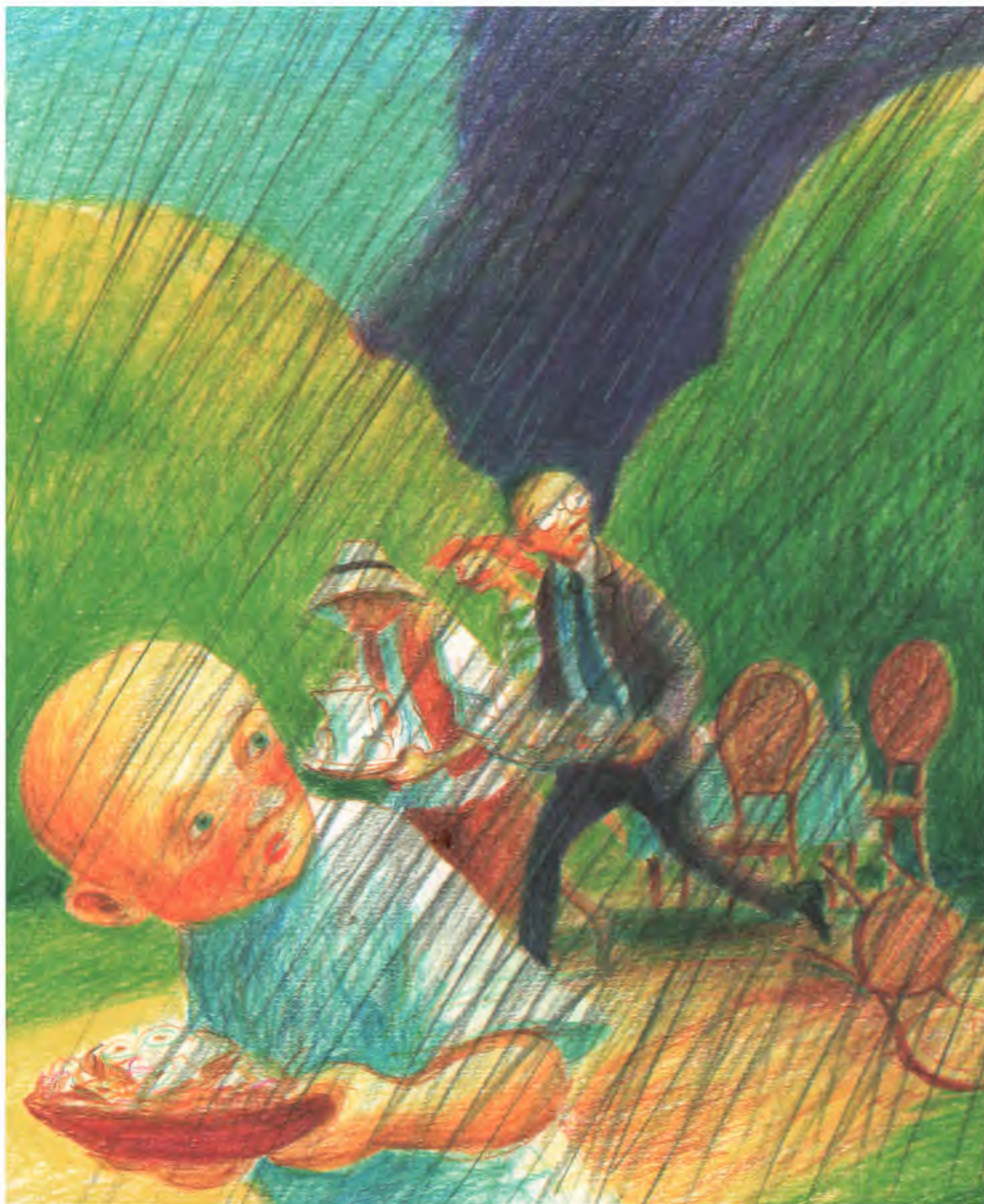
— Да, точно хляби небесные разверзлись, — кивнул пастор.

— Ливануло что надо, — подтвердила Глория.

— Собака! — заверещала Гертруда. Только она никуда не слетела. Сидела на кухонном столе... А снаружи грохотал ужасный гром...

— Нет же! Нет! — Я быстро оглядела кухню.

— Не волнуйся, — сказала Плюшка-пампушка. — Я все картинки с собачками собрала. Все до одной. — Она помахала мокрыми журнальными вырезками.

— Где Уинн-Дикси? — выдохнула я. — Я совсем о нем забыла. Спасала бутерброды, а о Уинн-Дикси забыла. Забыла, что надо беречь его от грозы!

— Опал, успокойся, — сказал пастор. — Скорее всего, он в саду, прячется под кустом или стулом. Пойдем его поищем.

— Погодите, — сказала Глория. — Я дам вам фонарик и пару зонтов.

Но я не могла ждать. Я выбежала на улицу. Посмотрела под всеми стульями. Под всеми кустами и деревьями. И громко звала Уинн-Дикси. И знала, что вот-вот заплачу. Я же сама во всем виновата! Его надо было обнять и держать. А я забыла.

— Опал! — окликнул пастор.

Я подняла голову. Пастор и Глория стояли на крыльце. А рядом стояли Данлеп и Стиви Дьюбери.

— К тебе гости, — сказал пастор.

— Мне никто не нужен, — отрезала я.

— Иди-ка сюда. — Глория говорила твердо и светила на меня фонариком. Я подошла к крыльцу, и она протянула мне фонарик.

— Поговори-ка с этими ребятами, — велела она. — Скажи им, что рада их видеть и скоро вернешься. Найдешь свою собаку и вернешься.

— Привет. Я рада вас видеть. Я вернусь, как только найду Уинн-Дикси.

Стиви только пялился на меня, раскрыв рот, зато Данлеп быстро спросил:

— Тебе помочь?

Я покачала головой. Только бы не заплакать.

— Пойди-ка сюда, детка, — сказала мне Глория Свалк. Она притянула меня к себе, прижала и шепнула на ухо: — Того, кто хочет уйти, все равно не удержать. Понимаешь? Нужно просто любить того, кто рядом. Особенно, пока он рядом.

Она обняла меня еще крепче.

— Ну, удачи вам.

И мы с пастором сбежали с крыльца — под ливень.

— Удачи! — донесся с кухни голос мисс Фрэнни.

— Эта собачка не потерялась, — громко, почти крича, объясняла кому-то Плюшка-пампушка. — Она слишком умная. Она не может потеряться.

Я оглянулась, и последний, кого я увидела, был Данлеп Дьюбери. Фонарь, висевший над крыльцом, освещал его бритую голову. И мне стало жалко, что он стоит там, в пучке света, совсем лысый. Данлеп увидел, что я обернулась, и помахал. Но я не помахала в ответ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ы с пастором шли и звали Уинн-Дикси. Дождь оказался очень кстати, потому что я ревела, а слез видно не было. Я плакала, плакала и беспрестанно звала Уинн-Дикси.

— Уинн-Дикси! — всхлипывала я.

— Уинн-Дикси! — кричал пастор. А потом свистел — громко и протяжно. Но Уинн-Дикси не появлялся.

Мы обошли весь центр городка. Побывали у дома Дьюбери, у Мемориальной библиотеки имени Хермана У. Блока, у желтого домика Плюшки-пампушки, у зоомагазина «Питомцы

Гертруды». Мы дошли до дома и заглянули под наш трейлер. Потом искали возле баптистской церкви Распростертых Объятий. Прошли вдоль железнодорожных путей к автостраде номер пятьдесят. Машины неслись мимо нас сплошным потоком, и их красные огоньки недобро помигивали.

— Папа, а вдруг его сбила машина?

— Опал, — сказал пастор, — не надо придумывать всякие страсти и переживать, словно это уже случилось. Единственное, что сейчас надо делать, — продолжать поиски.

Мы шли и шли. Я принялась мысленно составлять список из десяти фактов, которые я знала о Уинн-Дикси. Чтобы написать большие объявления и развесить по всем столбам в нашей округе. Чтобы люди помогли мне найти Уинн-Дикси.

Во-первых, он патологически боится грозы.

Во-вторых, он любит улыбаться, показывая все зубы сразу.

В-третьих, он очень быстро бегает.

В-четвертых, он храпит во сне.

В-пятых, он умеет ловить мышей, причем не душит их, а оставляет в живых.

В-шестых, он любит со всеми знакомиться.

В-седьмых, он любит арахисовое масло.

В-восьмых, он терпеть не может оставаться один.

В-девятых, он любит сидеть на кресле и спать в постели.

В-десятых, он с удовольствием ходит в церковь.

Я перебирала пункты моего списка снова и снова. Я заучила его наизусть — как в свое время заучила десять фактов, которые пастор рассказал о маме. Я делала это, чтобы — если вдруг Уинн-Дикси не найдется — я смогла сохранить о нем память... Но одновременно я поняла и то, что раньше мне вовсе не приходило в голову. Этот список даже приблизительно не передает, каков Уинн-Дикси на самом деле. Так же, как десять фактов про маму никогда не позволят мне узнать, какая она на самом деле. И от этого мне хотелось плакать еще больше.

Мы искали долго. Наконец пастор сказал, что хватит.

— Но, папа, — возразила я, — ведь Уинн-Дикси где-то здесь. Мы не можем его бросить.

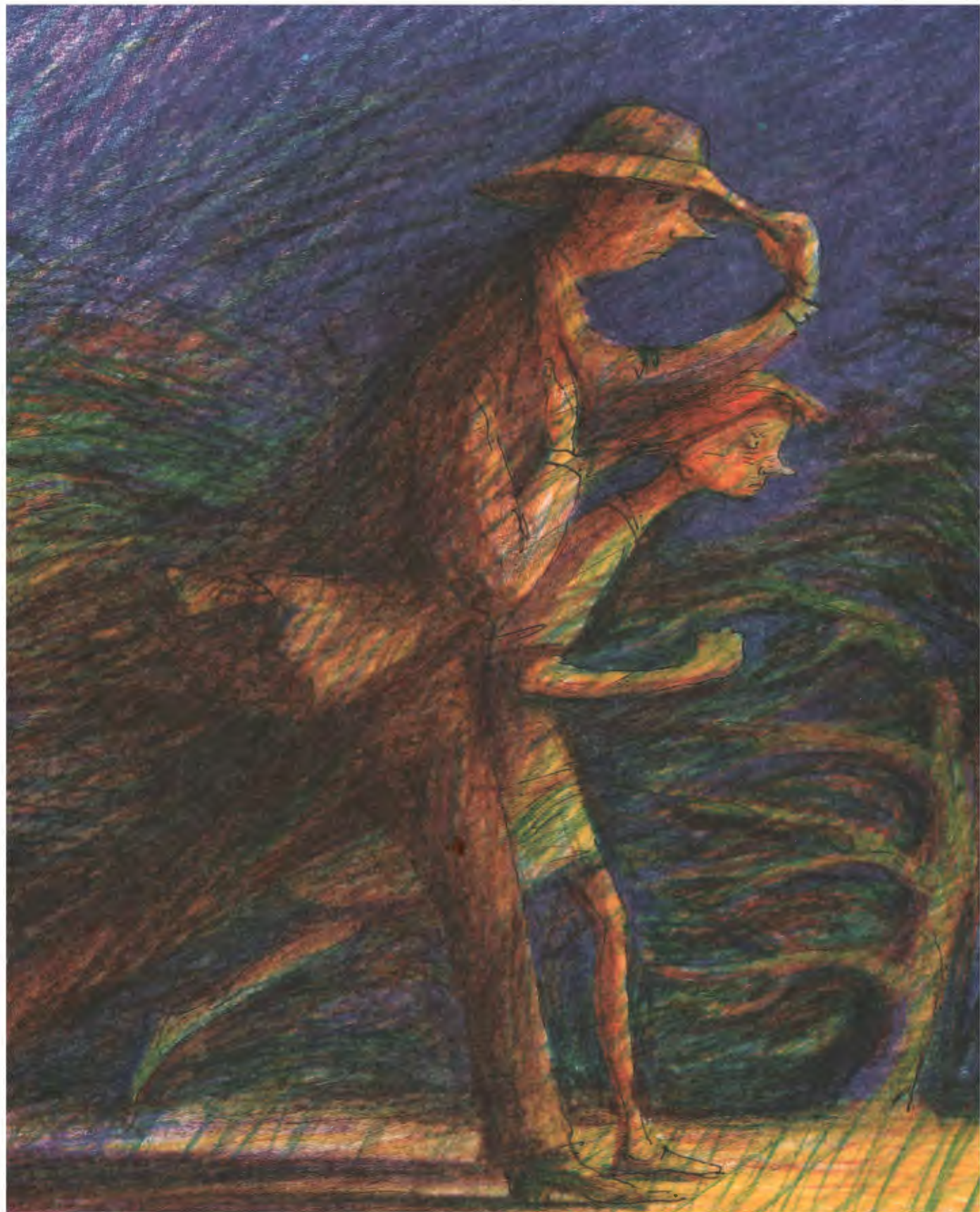
— Опал, мы обыскали все, что могли. Сделать больше — уже не в наших силах.

— Неужели ты оставишь его на произвол судьбы?

— Не спорь со мной, Индия Опал.

Я замолчала. Просто стояла и смотрела на пастора. Дождь иссяк и моросил уже потихоньку.

— Нам пора, — сказал пастор.

— Нет. Ты иди, если хочешь, а я буду искать дальше.

— Опал, — очень мягко сказал пастор, — пора признать, что наши поиски потерпели неудачу.

— А ты всегда готов сдаться! — крикнула я. — Ты же так привык! Втянешь голову в свой дурацкий панцирь и сидишь там. Ты, наверно, даже маму не искал, когда она убежала. Просто дал ей убежать, и все!

— Доченька... Я не мог ее остановить. Я пытался. Думаешь, я не хотел, чтобы она была с нами? Думаешь, я не мучаюсь, не страдаю без нее? — Он широко раскинул руки, а потом вдруг уронил их бессильно. — Я пытался ее удержать. Пытался.

И вдруг он заплакал. Представляете? Пастор плакал. Его плечи вздрагивали, он всхлипывал...

— И не думай, что уход Уинн-Дикси для меня не потеря. Я тоже люблю этого пса. Очень люблю.

— Папа. — Я подошла, обняла его за пояс, прижалась. Он весь дрожал от рыданий. — Ну, ничего... все будет в порядке... не надо... не плачь... — Я утешала его, как маленького ребенка.

Мы стояли в обнимку, чуть покачиваясь. Наконец, пастор перестал вздрагивать, но я все не разнимала рук. И вот, наконец, набравшись храбрости, я задала вопрос, который сидел во мне давным-давно. Я прошептала:

— Как ты думаешь, она когда-нибудь вернется?

— Нет, — ответил пастор. — Думаю, не вернется. Я надеялся, молился, мечтал об этом все годы. Но теперь знаю — она не вернется.

— Глория говорит: никого нельзя удержать. Можно только любить того, кто у тебя есть. Пока есть.

— Она права, — кивнул пастор. — Глория Свалк совершенно права.

— Но я не готова отпустить Уинн-Дикси, — сказала я, поймав себя на том, что на миг позабыла о нем — из-за разговора о маме.

— Мы будем его искать, — ответил пастор. — Мы вместе, ты и я. А знаешь, Индия Опал, я вдруг понял одну вещь. Помнишь, я говорил, что мама ушла и ничего не оставила? На самом деле оставила. Что-то очень важное.

— Что?

— Она оставила мне тебя. И я благодарю за это Господа. — Папа обнял меня еще крепче.

— Я тоже рада, что ты есть, — произнесла я. Это было честно. Я взяла его за руку, и мы пошли обратно в город.

И всю дорогу свистели и звали Уинн-Дикси.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

о сада Глории Свалк было еще далеко, целый квартал, но мы уже слышали музыку. Гитару, пение и аплодисменты.

— Интересно, что там происходит? — спросил пастор.

Мы прошли по аллейке, что вела к дому, обошли его и через сад попали на кухню. И увидели, что Отис играет на гитаре, мисс Фрэнни и Глория сидят рядом, улыбаются и поют, а на коленях у Глории пристроилась Плюшка-пампушка. Аманда, Данлеп и Стиви сидели на полу, хлопали в ладоши и, по всему видно, весе-

лились вовсю. Я даже глазам своим не поверила. Неужели сейчас, когда пропал Уинн-Дикси, все эти люди могут так веселиться?!

— Мы его не нашли! — крикнула я сердито.

Музыка смолкла. Глория Свалк посмотрела на меня и сказала:

— Детка, мы знаем, что вы его не нашли. И не могли найти, потому что он все это время был здесь.

Она взяла свою трость и легонько ткнула ею под стул.

— Эй, выходи, — приказала она.

В ответ донеслось шуршание и вздох.

— Спит без задних ног. — Глория улыбнулась. — Совсем обессилен.

Она снова ткнула его тростью. И Уинн-Дикси все-таки вылез из-под стула и широко зевнул.

— Уинн-Дикси! Родненький! — завопила я.

— Собака! — пронзительно сообщила Гертруда.

Уинн-Дикси помахал хвостом, показал мне все зубы сразу и чихнул. Распихивая всех, я рванулась к своему псу. Бухнулась рядом с ним на колени и обняла крепко-крепко.

— Где же ты был? — спросила я его.

Он зевнул в ответ.

— Как вы его нашли? — спросила я всех.

— О, это целая история, — начала мисс Фрэнни. — Глория, может, ты расскажешь?

— Что ж, попробую, — сказала Глория Свалк. — Мы все сидели и ждали, когда вы вернетесь. Потом мне удалось убедить этих мальчиков, моих соседей из семьи Дьюбери, что я никакая не ведьма, не злая колдунья, что я не варю тут зелья и не норовлю заколдовать всех подряд, и тогда...

— Она не ведьма, — сказал Стиви, качая лысой головой. Похоже, он был разочарован.

— Не-а, она точно не ведьма. — Данлеп широко улыбнулся. — А то бы давно нас в жаб превратила.

— Я и без вас знала, что она не ведьма, — заявила Аманда. — Их вообще не существует. Это миф.

— Ну ладно, хватит, — прервала ее Глория. — Короче, когда мы покончили с обсуждением всей этой колдовской чепухи, Фрэнни сказала, что неплохо бы послушать музыку, чтобы скоротать ожидание. И Отис стал играть на гитаре. Это ж уму непостижимо, сколько музыки умещается у него в голове. Все песни знает. А если вдруг не знает, за просто подберет — стоит только напеть ему мелодию. Настоящий талант.

Глория замолчала и улыбнулась Отису, а он улыбнулся в ответ. Словно весь засветился изнутри.

— Расскажи, что было дальше, — потребовала Плюшка-пампушка. — Расскажи про собачку.

— Мы с Фрэнни стали вспоминать все песни нашей юности. Отис играл, мы пели, дети тоже — они быстренько выучили все слова...

— И тут кто-то чихнул! — выпалила Плюшка-пампушка.

— Верно, — сказала Глория. — Кто-то чихнул. Но никто из нас точно не чихал. И мы стали оглядываться, искать, кто бы это мог быть. Мало ли — может, вор в дом залез? Поискали, поискали, но никого не нашли. И снова начали петь. Но тут кто-то опять — АПЧХИ! Судя по звуку — у меня в спальне. Тогда я послала туда Отиса. Сходи, мол, посмотри, кто там чихает. Он и пошел. И кого, по-твоему, он нашел?

Я все еще не могла поверить.

— Он нашел Уинн-Дикси! — победоносно крикнула Плюшка-пампушка.

— Твой замечательный пес забрался ко мне под кровать, забился поглубже, словно вот-вот настанет конец света. Но стоило Отису заиграть на гитаре, Уинн-Дикси заулыбался, а заулыбавшись, как водится, чихнул.

Папа рассмеялся.

— Правда-правда, — закивала мисс Фрэнни.

— Честное слово, — подтвердил Стиви.

Данлеп тоже кивнул и улыбнулся, глядя мне в глаза.

— И тогда, — снова заговорила Глория, — Отис стал играть уже специально для него. И потихонечку, полегонечку Уинн-Дикси выполз-таки из-под кровати.

— Он был весь в пыли, — сказала Аманда.

— Прямо как привидение, — добавил Данлеп.

— Ой, правда! Как привидение! — поддакнула Плюшка-пампушка.

— Хмम्म... Ну, в общем, да, — согласилась Глория. — Как привидение. Короче, гроза наконец кончилась, и твой пес устроился у меня под стулом. И заснул. И так там и лежал все это время. Видно, ждал, чтоб ты пришла и забрала его домой.

— Уинн-Дикси, — прошептала я. И обняла его так крепко, что он даже засопел. — Мы же весь город обошли, всю округу. Звали тебя, свистели, кричали. А ты все это время был здесь? — Я подняла глаза и сказала всем: — Спасибо.

— За что? — удивилась Глория. — Мы же ничего не сделали. Просто сидели тут, ждали вас, песни пели. Успели

подружиться. Кстати, в пунше теперь больше дождевой воды, чем всего остального. От бутербродов вообще ничего не осталось, хлеб весь размок. Но если хочешь яичного салата, можно ложкой поесть. Зато у нас есть маринованные огурчики. И «Ромбики Литтмуса». И у нас по-прежнему праздник.

Папа принес из кухни стул и сел.

— Отис, а церковные песнопения вы тоже знаете?

— Помню кое-что.

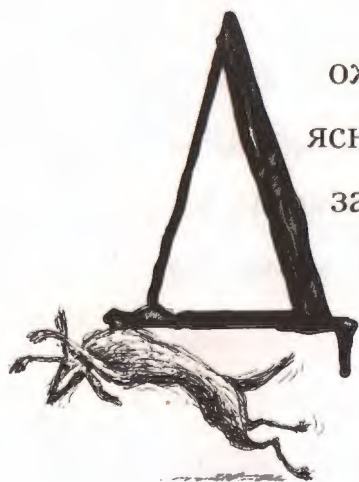
— А вы напойте, — воодушевилась мисс Фрэнни. — Он непременно подхватит.

Тут папа и вправду стал напевать, а Отис — наигрывать на гитаре, а Уинн-Дикси завилял хвостом и снова забрался под стул Глории Свалк. Я посмотрела на всех вокруг, на все эти разные лица, и почувствовала, что сердце у меня так и распирает от счастья.

— Сейчас вернусь, — сказала я.

Но они громко пели и смеялись, а Уинн-Дикси похрапывал, поэтому меня никто не услышал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Дождь кончился, тучи рассеялись, и небо было такое ясное, что я видела все звезды, которые Творец зажег во вселенной. Я прошла в самый конец сада Глории Свалк. К дереву ее дурных поступков и ошибок. Ветер стих, и бутылки не звенели, просто висели недвижимо. Я посмотрела на дерево, а потом на небо.

— Мама, — произнесла я, словно она стояла здесь, рядом со мной, — я знаю о тебе десять фактов. Но это все не то. Мне этого мало. Папа, конечно, расскажет о тебе еще. Наверняка расскажет, потому что те-

перь он уверен, что ты не вернешься. Он очень по тебе тоскует, и я тоже тоскую, но у меня уже нет такой пустоты в сердце. Оно понемногу наполняется. Я все равно буду думать о тебе — обещаю. Но, наверно, уже не так часто, как в это лето.

Вот что я сказала в тот вечер под деревом ошибок Глории Свалк. А договорив, просто постояла, глядя на небо — на созвездия и планеты. А потом вспомнила, что у меня тут тоже есть дерево, то самое, что мы посадили вместе с Глорией. Я не проверяла его очень давно. Я встала на коленки и принялась шарить руками в поисках моего деревца. А когда наконец нашла, страшно удивилась: какое же оно выросло большое. То есть оно, конечно, было еще маленькое, скорее росток, чем дерево, но листья и ветки были сильные, крепкие, вполне настоящие. Я еще не поднялась с коленок, как вдруг раздался голос:

— Ты что, молишься?

Это оказался Данлеп.

— Нет, — ответила я. — Не молюсь. Просто думаю.

Он встал, скрестив руки на груди, и посмотрел на меня — сверху вниз.

— Думаешь? О чем?

— О всякой всячине. Знаешь, извини, что я вас со Стиви лысыми сосунками обзывала.

— Да ладно. Я не в обиде. Глория велела привести тебя в дом.

— Я же говорила вам, что она не ведьма.

— А я и так знаю. И раньше знал. Просто хотел тебя подразнить.

— Правда? — Я поглядела на него внимательно. Только было темно, толком не разглядеть.

— Ты вставать-то собираешься?

— Ага.

И тут он меня удивил. Он сделал то, чего я никак, ну никак не ожидала от любого из братьев Дьюбери. Он протянул руку, чтобы помочь мне встать. И я тоже протянула руку. И он рывком поднял меня на ноги.

— Давай наперегонки к дому? — предложил Данлеп и припустил бегом.

— Давай! Но помни, я быстро бегаю! — Я бросилась вдогонку.

И обогнала. Я дотронулась до стены дома Глории Свалк раньше Данлепа.

— Вы напрасно бегаєте в темноте, — сказала с крыльца Аманда. — Можно споткнуться и упасть.

— Отвянь, Аманда, — сказал Данлеп.

— Отвянь, Аманда, — повторила я. Но потом я вспомнила Карсона, и мне стало ее так жалко... Я поднялась на крыльцо, взяла ее за руку и потащила за собой. — Пойдем же! Пойдем в дом.

— Индия Опал! — сказал папа, когда мы с Амандой и Данлепом вошли внутрь. — Ты пришла попеть с нами песни?

— Да, папа! Только я совсем не знаю песен.

— А я тебя научу. — Он улыбнулся. Так улыбнулся... словами не передать.

— Мы тебя научим! — подхватила Глория Свалк. — Прямо сейчас.

Плюшка-пампушка по-прежнему сидела у нее на коленях, но глаза у нее были закрыты.

— Хочешь «Ромбик Литтмуса»? — Мисс Фрэнни протянула мне вазу с конфетами.

— Спасибо. — Я взяла, сняла фантик и положила конфету в рот.

— А огурчик хочешь? — Отис протянул мне всю банку.

— Нет, спасибо. Не сейчас. Попозже.

Тут из-под стула Глории выбрался Уинн-Дикси. Он сел возле меня, прильнул потеснее — совсем как я к папе. А рядом

со мной стояла Аманда. И ее лицо вовсе не показалось мне скукоженным или кислым как лимон.

Данлеп хрустнул пальцами и напомнил:

— Ну что, петь-то будем?

— Во-во, — сказал Стиви. — Петь-то будем?

— Давайте петь. — Плюшка-пампушка открыла глаза и встрепенулась. — Давайте споем песенку для собачки.

Отис засмеялся и ударил по струнам. А во рту у меня, как цветок, распускался вкус «Ромбика Литтмуса» — сладкий и горький разом. И тут Отис, Глория, Стиви, мисс Фрэнни, Данлеп, Аманда, Плюшка-пампушка и мой папа запели песню. А я внимательно слушала, чтобы все запомнить.

Литературно-художественное издание

Для младшего и среднего школьного возраста

Кейт ДИКАМИЛЛО

СПАСИБО УИНН-ДИКСИ

Повесть

Редактор *М. Томашевская*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректор *О. Иванова*

Компьютерная верстка *Н. Козель*

ООО «Издательская Группа Аттикус» —

обладатель товарного знака *Machaon*

119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-7600, факс (495) 933-7620

E-mail: sales@atticus-group.ru

Наш адрес в Интернете: www.atticus-group.ru

Подписано в печать 15.01.2009. Формат 84×100/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,16.

Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 1348.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени

«Первая Образцовая типография».

115054, Москва, Валовая, 28

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ:

В Москве: ООО «Издательская Группа Атиккус»
тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-20
e-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал «Атиккус-СПб»
тел./факс (812) 783-52-84, (812) 335-11-67
e-mail: machaon-spb@machaon.net

В Киеве: Издательство «Махаон – Украина»
тел. (044) 490-99-01, (044) 494-25-37
e-mail: machaon@machaon.kiev.ua

КЕЙТ ДИКАМИЛЛО

получила за книжку о Уинн-Дикси множество наград,
в том числе золотую медаль всеамериканского общества

«Выбор родителей» и «Медаль Ньюбери»

за особый вклад в детскую литературу.

Но главное, что история о смешной дворняге
и ее неунывающей подруге принесла автору
любковь маленьких читателей по всему миру.

Теперь Уинн-Дикси станет знаменитостью
и в России.

УИНН-ДИКСИ -

это удивительная дворняга, которая умеет улыбаться
совершенно по-человечески. С десятилетней девочкой
по имени Опал она подружилась в трудный для обеих момент:
бездомная собака только что нечаянно учинила страшный
разгром в чужом магазине, а ее будущая хозяйка
чувствует себя такой одинокой.

Но теперь дела их пойдут совсем по-другому...

Machon

